

Валерия Абросимова

СЫН ВЕЛИКОГО ТОЛСТОГО, ВОЙНА и АМЕРИКА

(по архивным материалам)

... Он не был услышан ни при жизни Л.Н. Толстого, ни после его смерти. В России никогда не любили диалоги и всегда старались заменить их монологами, даже если голос срывался на крик, а слушателей и в помине не было видно...

Воскресив из небытия личность и писательскую судьбу Льва Львовича Толстого (1869-1945)¹, остановлюсь на двух его поездках в Америку в 1911 и 1917 годах, о которых он писал во второй книге воспоминаний «Опыт моей жизни». Об одной рассказано подробно и обстоятельно, другая лишь бегло упомянута. В сочетании с его письмами С.А. Толстой, статьями из цикла «В Америке» и некоторыми другими документами эти несколько мемуарных страниц, на мой взгляд, представляют большой интерес.

Прежде всего важно установить дату первой поездки Л.Л. Толстого в Америку. Сам автор относит ее к *весне 1910* года, то есть *при жизни* Толстого. Однако ни одного документа, подтверждающего это, найти не удалось. Если же перенести эту поездку на *весну 1911* года, тогда можно говорить о *крайне редком* в мемуарах Л.Л. Толстого *сбое памяти*, случившемся *после смерти отца*. Но предоставим слово документам...

* * *

Первое упоминание о возможной поездке в Америку встречается в письме Л.Л. Толстого из Парижа от 23 декабря (нов. стиля) 1910 года в Ясную Поляну С.А. Толстой: «<...> Я работаю, хочу кончить начатое, рисую, читаю, слоняюсь немного по Парижу, когда на сердце скверно. Возможно,

¹ См.: *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни // *Наше наследие*. М., 1991, № 5. С. 83-97 (предисловие, публикация и комментарий *В.Н. Абросимовой*); *Сын и отец*: По страницам дневниковых записей и мемуаров Л.Л. Толстого / Вступ. статья, подготовка текстов, публикация и комментарий *В.Н. Абросимовой* и *С.Р. Зориной* // *Лица*: Биограф. альманах. М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1994. Т. 4. С. 173-287; *Абросимова В.* Л.Л. Толстой, Ф.Д. Батюшков, М. Горький и другие // *Новый журнал*. СПб., 1994, № 4. С. 44-71; *Абросимова В.Н.* Л.Л. Толстой и М. Горький (по архивным материалам) // *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология. 1995, № 2. С. 72-80; *А.Г. и Л.Ф. Достоевские в переписке с Л.Л. Толстым* // *Достоевский и мировая культура*: Альманах. М., 1995, № 4. С. 78-92 (предисловие, публикация и комментарий *В.Н. Абросимовой* и *С.Р. Зориной*); «...*Время идет интереснейшее...*» (Письма Л.Л. Толстого к Николаю II) // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома* на 1992 год. СПб., 1996. С. 98-168 (вступ. статья, публикация и комментарий *В.Н. Абросимовой* и *С.Р. Зориной*); *Абросимова В.Н.* Поэтические опыты Льва Львовича Толстого (1869-1945) // *Новое литературное обозрение*. М., 1996, № 21. С. 288-302; *Переписка Л.Л. Толстого с Н.Б. Нордман и И.Е. Репиным* // *Новый журнал*. СПб., 1998, № 4. С. 147-171 (вступ. статья, подготовка текста, публикация и комментарий *В.Н. Абросимовой* и *С.Р. Зориной*); *Письма Л.Л. Толстого к Лескову* // *Неизданный Лесков*: В 2-х книгах (Литературное наследие. Т. 101). М.: Наследие, 2000. Кн. 2. С. 409-415 (предисловие, публикация и комментарий *В.Н. Абросимовой*); *Толстой Л.Л.* Отношение ко мне моего отца // *Литературные мелочи прошлого тысячелетия*: Сб. науч. статей к 80-летию Г.В. Краснова. Коломна, 2001. С. 151-160 (публикация и комментарий *В.Н. Абросимовой*); *Абросимова В.Н.* «Дети любят ...настоящую правду» (Л.Л. Толстой в переписке с редактором журнала “Родник” А.Н. Альмедингеном) // *Педагогические идеи русской литературы*. Коломна, 2003. С. 150-154; *Абросимова В.Н.* Славянский мотив в публицистике Л.Л. Толстого // *Славянский мир*: Общность и многообразие. Коломна, 2007. Ч. I. Литературоведение. С. 8-22.

что в январе уеду вдруг на 3 месяца в Америку. Возможно, что там буду читать лекции. Возможно, что никуда не уеду отсюда до весны. Потребность думать и глубоко, до дна. <...>² Столь же обтекаемо об этой идее говорилось и в новогоднем письме из Парижа от 2 января (нов. стиля) 1911 года: «<...> Много работаю и не вижу, как летит время. Может быть, уеду в Америку. <...>»³

То, что в январе 1911 года Л.Л. Толстой был в Париже, подтверждается его деловой перепиской с Огюстом Роденом (Rodin; 1840-1917), в мастерской которого он работал по приезде в Париж осенью 1909 года. Опубликованный ответ Родена условно датируется 29 января 1911 года⁴.

В конце января 1911 года Л.Л. Толстой уточнил дату отъезда и цель поездки: «<...> У нас благополучно. Я в Америку, если поеду, то в апреле. <...>

Я сделал недурной бюст отца из бронзы. Дети учатся. <...>

Была телеграмма вдруг от Ильи, что он тоже собрался в Америку. Я ему телеграфировал, что еду в апреле, а его еще нет. Он хотел тут проехать. Надеюсь, что он не поедет. Я еду к друзьям на даровые харчи. Еду с возможностью заработка, а он едет с химерой продать Ясную каким-то миллиардерам. Глупо.

Пока обнимаю Вас, дорогая мать. Да, трудно жить на свете.

Любящий Вас нежно и твердо

Лев»⁵.

Позднее, 15 февраля /1 марта 1911 года Л.Л. Толстой назвал точную дату отъезда: «<...> Уезжаю в Америку 19-го. Не знаю, сколько пробуду. <...> В Америке меня многое интересует и я пользуюсь случаем, чтобы ее видеть. <...>»⁶

Писем из Америки сохранилось немного. Первое из них (заказное) написано в ответ на письмо С.А. Толстой, находившейся в состоянии тяжелой депрессии. Судя по содержанию, оно было отправлено в Париж, а оттуда — в Нью-Йорк Л.Л. Толстому.

«11 февраля <ст. стиля> 1911 г<ода.
Ясная Поляна>

Милый Лева, посылаю какой-то присланный тебе адрес. Неужели ты действительно едешь в Америку? У нас все не ладно. Я твердо решила рукописей не отдавать добровольно⁷, тем более что

² *Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого* в Москве (в дальнейшем — *ОР ГМТ*). Архив С.А. Толстой, № 14507. Л. 1-1 об. Автограф.

³ *Там же*, № 14477. Л. 1. Автограф.

⁴ См.: *Correspondance de Rodin* /Texts classés et annotés par Alain Beausire et Florence Cadouot. Vol. III: 1908-1912. Paris, 1987. P. 128; *Роден О.* Завещание. СПб.: Азбука, 2002. С. 494, 593.

⁵ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14510. Л. 1-1 об. Автограф.
Письмо условно датируется 27 января 1911 года на основании почтового штемпеля отправителя на конверте. — *Там же*. Л. 2.

⁶ *Там же*, № 14512. Л. 1. Автограф.

⁷ Согласно последней воле Л.Н. Толстого, изложенной 22 июля 1910 года, все его рукописи завещались «в полную собственность А.Л. Толстой», а В.Г. Черткову предоставлялось право просмотра и издания рукописного наследия писателя. — См.: *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90-том томах. (Юбил. издание). М.: ГИХЛ, 1956. Т. 82. С. 227-231. (В дальнейшем ссылки на это издание: *ПСС*, с указанием тома и страниц).

2. Чертков заявил хранителю рукописей Румянцевского Музея⁸, что ему Лев Ник^олаевич поручил вычеркивать из дневников по его усмотрению⁹.

Саша¹⁰, озлившись за мое упорство, грозит разоблачить все письма и дневники папá, чтоб доказать его волю относительно рукописей, и она уже прислала мне письмо твоего отца, написанное ей из Оптиной Пустыни, — письмо, полное злобы на меня и прямо указывающее на то, что Лев Ник^олаевич бежал от меня или, вернее, от того, что предложил мне разлуку с Чертковым, а потом страшно страдал от этой разлуки с^о своим любимцем и озлился на меня¹¹. Да и лично я все время последнее чувствовала его недоброе отношение ко мне и потому все больше и больше нервничала и страдала...¹²

Сейчас приехали Андрюша¹³ и Илья¹⁴, собираются в Петербург¹⁵, а я еду в Москву в понедельник, так как издание к тому дню будет окончено¹⁶, и надо секретно и как можно скорее его все распродать

С.А. Толстая отказалась наотрез отдавать рукописи, хранившиеся в Историческом музее, младшей дочери. Тяжба, происходившая на глазах всего мира, длилась несколько лет и закончилась лишь в середине октября 1914 года, когда «Сенат определил предложить министру народного просвещения незамедлительно снять арест с рукописей и выдать их в распоряжение гр. С.А. Толстой». — См.: *Спор о рукописях Л.Н. Толстого // Утро России*. Пг., 13 ноября 1914 года, № 280. С. 4. См. также: *Толстая С.А.* Дневники: В 2-х томах. М.: Худож. лит., 1978. Т. 2. С. 416, 580 и др.; *Абросимова В.Н., Краснов Г.В.* История одной ложной телеграммы глазами Сухогинух, Чертковых и В.Ф. Булгакова // *Яснополянский сборник-2006*: Статьи, материалы, публикации. Тула, [2006]. С. 263-296.

⁸ Заведующий отделом рукописей Румянцевского музея Григорий Петрович Георгиевский (1866-1948) без колебаний принял сторону С.А. Толстой в ее споре с В.Г. Чертковым. — См.: *Объяснения В.Г. Черткова // Русское слово*. М., 29 июня 1911 года, № 148. С. 2; *Письма Г.П. Георгиевского к С.А. Толстой // Там же*, 5 июля 1911 года, № 153. С. 2.

⁹ 27 марта 1895 г. Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «Мое завещание приблизительно было бы такое. Пока я не написал другого, оно вполне такое.

... Дневники мои прежней холостой жизни, выбрав из них то, что стоит того, я прошу уничтожить, точно так же и в дневниках моей женатой жизни прошу уничтожить все то, обнаружен[ое] чего могло бы быть неприятно кому-нибудь. Чертков обещал мне еще при жизни моей сделать это. И при его незаслуженной мною большой любви ко мне и большой нравственной чуткости. Я уверен, что он сделает это прекрасно». — *ПСС*. Т. 53. С. 14-15. Курсив Л.Н. Толстого.

¹⁰ Младшая дочь Толстых, Александра Львовна Толстая (1884-1979) предприняла несколько попыток уговорить мать согласиться с волей покойного супруга. 12 января 1911 года она отправила С.А. Толстой пронзительное и отчаянное письмо: «...Ты, разумеется, можешь поступать, как хочешь, принимать те или иные решения, но с нравственной точки зрения решение возможно только одно: без всяких оговорок, исполняя волю Льва Николаевича, отдать рукописи тому, кому они завещаны. И я могу согласиться только на такое решение. ...» — См.: *Абросимова В.Н., Краснов Г.В.* История одной ложной телеграммы... // *Яснополянский сборник-2006*... С. 287-288. Подчеркнуто А.Л. Толстой.

¹¹ Большая часть последнего письма Л.Н. Толстого младшей дочери из Оптиной Пустыни от 29 октября 1910 года посвящено С.А. Толстой: «... Очень надеюсь на доброе влияние Тани и Сережи. Главное, чтоб они поняли и постарались внушить ей, что мне с этим подглядыванием, подслушиванием, вечными укоризнами, распоряжением мной, как вздумается, вечным контролем, напускной ненавистью к самому близкому и нужному мне человеку, с этой явной ненавистью ко мне и притворством любви, что такая жизнь мне не неприятна, а прямо невозможна, что если кому-нибудь топиться, то уж никак не ей, а мне, что я желаю одного – свободы от нее, от этой лжи, притворства и злобы, которой проникнуто всё ее существо. ...» — *ПСС*. Т. 82. С. 218.

¹² Л.Л. Толстой был свидетелем и участником многих тяжелых сцен в Ясной Поляне летом 1910 года. В книге воспоминаний «Опыт моей жизни» он позднее писал: «<...> Нервность матери и ее поведение за эти месяцы можно объяснить не только обидой, ей нанесенной, но и ее предчувствием близкого конца Льва Николаевича. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого. Книга II. Глава 6. Машинопись с авторской правкой. См. также: *Уход Л.Н. Толстого*: По дневниковым записям М.С. Сухотина 1910 г. и переписке Т.Л. Сухотиной-Толстой с С.Л. Толстым 1930-х годов / Публикация и комментарий В.Н. Абросимовой // *Известия Академии наук*. Серия литературы и языка. М., 1996. Т. 55, № 2. С. 64-65; *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 176-202; *Маковицкий Д.П.* У Толстого: 1904-1910: Яснополянские записки: В 4-х книгах (*Литературное наследство*. Т. 90). М.: Наука, 1979. Кн. 2. С. 322-358. (Далее ссылки на это издание даются так: *Маковицкий Д.П.* У Толстого..., с указанием книги и страниц).

¹³ Как и Л.Л. Толстой, Андрей Львович Толстой (1877-1916) был однозначно на стороне матери. См. запись в Дневнике Л.Н. Толстого от 26 июля 1910 года: «Сыновья, Андрей и Лев оч[ень] тяжелы, хотя разнообразно каждый по-своему» — *ПСС*. Т. 58. С. 84.

Очевидец происходящего в тот же день заметил: «... Андрей Львович настроен, что называется, „агрессивно“. Льву Николаевичу он очень тяжел. ...» — См.: *Булгаков В.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л.Н. Толстого. М.: Правда, 1989. С. 294. См. также: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 159.

и разослать. Кроме того, надо уяснить продажу дома и дело рукописей и всего отданного мной на хранение в Историч<еский> Музей, незаконно задерживающий мое имущество¹⁷.

Очень рада была услышать о вашем благополучном пребывании в Париже, но мало мне Илья рассказал о детях¹⁸. Мне живется тяжело, и терзают душу все дела. Целую вас всех.

Любящая тебя мать С. Толстая¹⁹.

Получив это письмо, Л.Л. Толстой вступил в диалог с нежно любимой матерью, от которой у него не было тайн. Документ гораздо больше говорит о душевном состоянии Л.Л. Толстого, чем о причинах поездки в Америку. Письмо написано на листах с типографским клише отеля Лафайет и вложено в конверт с аналогичным клише. В новой Америке хранили память о генерале американской армии, знаменитом французском политическом деятеле маркизе Мари Жозефе де Лафайете (La Fayette; 1757-1834), сражавшемся на стороне Северо-Американских Соединенных Штатов во время Войны за независимость 1775-1783 годов.

«5 апреля <нов. стиля>1911<года>
Нью-Йорк>

Дорогая, милая мамá, я получил Ваше письмо и мне грустно за Вас, что столько неприятностей следует одна за другой со смерти отца. Что делать? Надо переносить и стараться выбраться на более спокойную и радостную дорогу. Вам будет легче, когда это издание разоидется и Вы отстранитесь

¹⁴Илья Львович Толстой (1866-1933) не принимал участия в противостоянии родителей в последний год жизни Л.Н. Толстого. К уходу отца из Ясной Поляны он отнесся негативно и в своем письме Л.Н. Толстому 29 октября 1910 г. призывал его если и не вернуться к жене, то «не прекращать с ней сношений, писать ей, дать ей возможность окрепнуть нервно, а дальше — дальше Бог даст». — См.: **Толстой С.Л.** Очерки былого. 4-е изд., испр. и доп. Тула, 1975. С. 243.

¹⁵ Сразу после смерти Л.Н. Толстого сыновья решили продать Ясную Поляну. Их поездка в Петербург была связана с этим обстоятельством. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 337.

¹⁶ Действительно, 13 февраля 1911 г. С.А. Толстая в Москве записала в ежедневнике: «... Вышло новое издание в 20-ти частях». — **Там же**.

Однако после доклада цензора Московскому комитету по делам печати о возбуждении судебного преследования издателей Сочинений Л.Н. Толстого за включенные в него «преступные произведения», на XVI, XIX и XX части был наложен арест. С.А.Толстая узнала о нем 17 февраля 1911 года. — **Там же**.

¹⁷ Так Исторический музей, в котором хранились части архива Толстых, отреагировал на заявление Н.К. Муравьева, сделанное 20 ноября 1910 г. После вступления в силу завещания Л.Н. Толстого адвокат предложил никого в хранилище не пускать и опечатать его. 11-15 января 1911 г. С.А. Толстая в Москве «беседовала с Советом музея, подала встречную Сашиной бумаге, тоже с запрещением кого-либо допускать» до ее «комнатки, вещей и рукописей». — **Там же**. С. 334.

¹⁸ В начале февраля 1911 года И.Л. Толстой на короткое время приезжал в Париж. После встречи с ним Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну следующее письмо:

«7 фев<раля>1911 г. Париж
Дорогая мать,
Страдаю за Вас и семью от всех этих газетных мерзостей и не знаю, чем Вам помочь. Конечно, уступать Черткову — Сашке своих прав нельзя. Особенно, если они связаны с целостью рукописей отца, но, с другой стороны, надо же чем-нибудь все это кончить.

Я все знаю от Ильи и из газет. Не знаю, что же Вы будете делать дальше и думаете делать. <...>

Если я поеду в Америку, то только для себя и без всякого отношения к отцу. <...>

Рад, что меня нет в России, а то бы я не выдержал и начал процесс, который бы выиграл, так как общественное мнение было бы со мной, если бы я вперед объявил, что в случае выигрыша процесса я права отдаю Академии наук с тем, чтобы она сделала из них общее достояние. Посмотрим, что дальше будет». — **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 14511. Л. 1-1 об. Автограф.

¹⁹ **ИРЛИ**, ф. 303, № 691. Л. 4-4 об. Автограф. Курсив С.А. Толстой. Конверт не сохранился.

совсем от дел. Как с тремя томами? Надо узнать, за какие именно места тома арестованы, потом вырвать эти страницы и скорее постараться отделаться от всего²⁰.

Вы спрашиваете, зачем я уехал в Америку. На это прямо трудно ответить. Случилось так, что я не мог не уехать, не для себя, а главное, для других. Вы слышали, верно, о болезни милой моей Доры после моего отъезда²¹. Слава Богу, ей теперь гораздо лучше и она уже выходит. Таня застала ее <лежащей> одной в квартире и написала мне²². Страшного в этом, в сущности, не было ничего, хотя мне стало совестно, что я так оставил ее. Но я такой скверный, что мне надо было оставить ее, освободить от моей дрянной личности, хотя на время. Что будет дальше — ничего не знаю.

Здесь очень интересно и меня носят на руках. Приглашения всюду и ежедневно, в клубы, общества, частные дома. Говорю речи по-английски, сижу на почетных местах. Говорю искренно о необходимости союза между двумя великими странами — Россией и Америкой, о том, что время пришло, чтобы все великие нации соединились вместе для того, чтобы первые шаги к разоружению могли быть сделаны. Об отце говорю мало. Живу в дешевом французском отеле. Готовлю публичную лекцию, ищу скульптурной работы и думаю, что на днях получу два заказа на бюсты.

Подарил в здешний музей бюст отца из бронзы. Приняли с благодарностью²³. Другую голову отца продал в бронзовый магазин, лучший в Америке. Надеюсь окупить расходы по путешествию и, может быть, заработать для семьи. Живу скромно. Отца все искренно любят и понимают. Он здесь ближе к людям и жизни, чем где-либо. Удивительные люди, американцы, но что из них выйдет, еще трудно предсказать.

Они увеличивают вооружения, они делаются в известных слоях общества воинственными, они принуждены централизовать власть и управление, которые более, чем где-либо были до сих пор децентрализованы.

Женщины здесь меня приводят в восторг своей работой и серьезностью. Зато они далеко не так привлекательны, как французские. Строгость нравов очень большая и свои зато специфические игроки.

²⁰ Московская судебная палата постановила уничтожить XVI, XIX и XX части 12-го издания Сочинений Л.Н. Толстого за содержащиеся там статьи «К рабочему народу», «Рабство нашего времени», «Великий грех», «Не убий», «Одумайтесь», «Не могу молчать», «Закон насилия и закон любви», «Царю и его помощникам» и др. В них было усмотрено богохуление, «возбуждение в населении враждебного отношения к правительству, дерзостное неуважение к верховной власти». — См.: *Уничтожение сочинений Л.Н. Толстого // Русское слово*. М., 20 апреля 1911 г., № 89. С. 6.

С.А. Толстая убедила власти разрешить ей изъять эти статьи и напечатать заново указанные три части заменив вырезанные страницы письмами Л.Н. Толстого. Согласно записи в ежедневнике, 12 мая 1911 г. С.А. Толстая сдала «в типографию весь материал для перепечатанья всех 3-х арестованных частей». — *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 342-344, 554-556.

²¹ Дора Федоровна Толстая (урожд. Вестерлунд; Westerlund; 1878-1933), поглощенная заботами о детях, которых к тому времени было шестеро, не заметила бурного романа, который переживал Л.Л. Толстой, и крайне болезненно отнеслась к его признанию в любви к молоденькой французской художнице, которую он в мемуарах называет *Жизель* или *милая Франция*. Следствием этих переживаний стало тяжелое кровотечение, закончившееся потерей ребенка вскоре после отъезда Л.Л. Толстого из Парижа.

²² Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864-1950) в это время с семьей возвращалась из Рима в Россию и заехала в Париж повидаться с семьей Л.Л. Толстого. То, что она увидела в парижской квартире младшего брата Льва, глубоко поразило ее. В изложении С.А. Толстой, которая 18 апреля (ст. стилия) 1911 года отправила сыну очередное письмо, все выглядело так: «<...> Таня, приезжавшая побывать со мной четыре дня, мне рассказывала о бедной Дорочке, как она её застала больную, одну, запертую в квартире, беспомощную и жалкую. Слава Богу, что все обошлось благополучно и что она поправилась. Таня очень хвалила Палю, какой он уже большой, распорядительный и разумный, точно взрослый. Как мне захотелось повидать всех вас! <...>» — *ИРЛИ*, ф. 303, № 691. Л. 5. Автограф.

Пале (Павлу Львовичу Толстому; 1900-1994) было в это время десять с половиной лет.

²³ В письме от 21 марта 1911 года дирекция музея выразила благодарность Л.Л. Толстому за его ценный дар. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 819. Л. 30. Машинопись на английском языке.

Я писал кое-что в „Новое Время“ из моих впечатлений здесь²⁴. Миша Кузминский оставил всюду очень грустные следы²⁵. Во-первых, долг гостинице в 100 рублей. Я плачу 2 доллара в день в скромной гостинице, он платил 4 в самой роскошной. Он ездил на автомобилях, я <езжу> на трамвае и т.д. Кроме того, у него была какая-то женская грязная история и он был груб с людьми.

Miss Hargood²⁶ дала мне серебряную ложку в подарок Вам и другую Тане. Все Вас очень ценят здесь по достоинству.

Я пробуду, вероятно, весь апрель, м<ожет> б<ыть>, захвачу часть мая. Что поделаешь? Надо жить, как Бог велит, мой Бог — судьба, провидение, потому, что мы лично ничего не можем. Можем одно — только спрашиваться у нашего разума и отдаваться чувству, когда оно сильнее всего.

Слышал, что духоборы очень процветают и размножаются. У Веригина²⁷ несколько миллионов в банке. Молодежь духоборческая об<ь>англичанилась. Школа всех равняет в Канаде, как и здесь. Но живучесть славянской расы так велика, что я надеюсь, <что> в будущем духоборы будут преобладать количественно на севере этого континента и, м<ожет> б<ыть>, в свое время начнут, как делает это теперь центральная Россия на старом континенте, посылать с севера вниз, на юг, своих потомков. Раз я говорил с папá об этой возможности, и он ответил: „Кто знает? Может быть...”

Сейчас здесь хоронят 150 жертв пожара²⁸, который был здесь рядом с отелем. Девушки-работницы бросались с 9<-го> этажа на улицу и разбивались насмерть. Это было на днях. Сейчас сотни

²⁴ См. цикл очерков *Л.Л. Толстого* под общим названием «В Америке»: *Новое время*. СПб., 18 /31 марта 1911 года, № 12577. С. 5; 30 марта /12 апреля 1911 года, № 12589. С. 4; 4 /17 апреля 1911 года, № 12594. С. 2; 10 /23 апреля 1911 года, № 12600. С. 6; 14 /27 апреля 1911 года, № 12602. С. 3-4; 18 апреля /1 мая 1911 года, № 12606. С. 2-3; 2 /15 мая 1911 года, № 12620. С. 2; 12 /25 мая 1911 года, № 12630. С. 4-5; 19 июня /2 июля 1911 года, № 12667. С. 3; 24 июня /7 июля 1911 года, № 12672. С. 3.

²⁵ Племянник С.А. Толстой, юрист по образованию, *Михаил Александрович Кузминский* (1875-1938) прибыл в Америку 1 января 1911 года и на самом деле вел переговоры о продаже Ясной Поляны и превращении ее в международную собственность и памятник культуры всего человечества. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 552.

Более подробно о пребывании «племянника-балалаечника» М.А. Кузминского в Америке и его концерте в Нью-Йорке на самобытном музыкальном инструменте с целью собрать деньги на жизнь себе и на выкуп могилы великого писателя в Ясной Поляне см.: *Торговцы великим именем //Биржевые ведомости*: Утренний выпуск. СПб., 9 //22 октября 1911 года, № 12573. С. 2.

²⁶ Американская писательница и переводчица Изабелла Флоренс *Хэпгуд* (Hargood; 1850-1928) переписывалась с Л.Н. Толстым, бывала в Ясной Поляне и по-доброму относилась ко всем членам семьи Толстого. — *ПСС*. Т. 50. С. 101-102, 105. См. также: *Неизвестный Толстой в архивах России и США*: Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. М., 1994. С. 247-249.

Сохранились два письма г-жи Хэпгуд, из которых следует, что 22 марта 1911 года в Нью-Йорке она передала Л.Л. Толстому две серебряные ложки в подарок С.А. Толстой и Т.Л. Сухотиной-Толстой. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 245. Л. 1-3 об. Автограф на англ. языке.

²⁷ Петр Васильевич *Веригин* (1862-1924) — руководитель секты духоборов с 1886 года. О том, что уехавшие из России в Канаду духоборы уже через несколько лет не только встали на ноги, но и отказались от материальной помощи, Л.Н. Толстому было известно еще в декабре 1903 года. — *ПСС*. Т. 74. С. 258. См. также: *Л.Н. Толстой и П.В. Веригин: Переписка /Издание подготовила Л.Д. Громова-Отульская; Отв. ред. А.А. Донсков*. СПб., 1995.

²⁸ Русские газеты сразу же перепечатали информацию о страшном пожаре «в верхних этажах 11-этажного дома в Нью-Йорке, где погибло 150 девушек-мастериц. ...» — См.: *Ужасная катастрофа в Нью-Йорке //Новое время*. СПб., 19 марта /1 апреля 1911 года, № 12578. С. 4.

Свой очередной очерк Л.Л. Толстой посвятил этому событию:

«Вчера здесь хоронили несчастных жертв страшного пожара, случившегося рядом с моим отелем „Lafayette”.

Работницы бросались из горевшего громадного дома, с девятого этажа на улицу и разбивались насмерть.

Нью-Йорк никогда не забудет этого кошмара. Вчера несколько сот тысяч человек, рабочих и работниц, почти всех организаций и видов труда, демонстративно, бесконечной процессией с венками, флагами и цветами шли за гробами своих товарищей и товарок.

Закон должен защитить рабочий класс от таких страшных случайностей и катастроф.

Надо было видеть всю эту толпу людей, спокойно стоявших под дождем, под открытыми зонтиками, образовавшими целую черную крышу над головами, надо было видеть этот порядок, эту внутреннюю дисциплину каждого, чтобы понять американца, его развитость и характер. Здесь действительно возможна демократия.

тысяч работниц и работников с открытыми зонтиками под дождем идут процессией в несколько миль мимо нашей гостиницы к пожарнице рядом на площади, откуда кортеж пойдет на кладбище. Полный порядок, тишина, черные флаги, достоинство. Полиция превосходная. Демонстрация пройдет, вероятно, без всяких бесчинств. Я не выхожу, потому что не люблю толпы и есть свободное время сегодня.

Что Илья²⁹? Надеюсь, что он не поедет сюда еще тратить без толку деньги. Я никогда не сочувствовал фантазии продать Ясную <Поляну> американцам, да и никто здесь и не думает об этом. Слава Богу, никто ко мне не обращался за этим, и все почувствовали сразу, что я тут не при чем. Кстати, что об этом в России? Ответьте при случае на это письмо. М<ожет> б<ыть>, дойдет, пока я здесь.

Целую крепко. Не осуждайте меня за то, что так жестоко, как будто, покинул семью. Было бы хуже оставаться. Трудно жить на свете, когда в жилах кровь, а не чертковская сыворотка³⁰. Чтоб ему за его глупость, ни <за> что другое, было воздаяние. Я рад, что освобожден от издания, но не могу ему простить за страдания отца и за Ваши³¹.

Ваш Лев»³².

До своего отъезда из Америки Л.Л. Толстой успел отправить еще одно письмо в Ясную Поляну и сообщил С.А. Толстой о своих планах.

« 10 апреля <нов. стиля> 1911 <года.
Нью-Йорк>

Милая мамá,

Я уезжаю отсюда 6 мая, так что буду в Париже 1-го <мая> старого стиля. Пишу, чтобы Вы знали, что писать туда. Теперь занят очень.

Целую.

Ваш Лева»³³.

Ни тени возможности каких-нибудь бесчинств или беспорядков. Ни одного громкого голоса, режущего ухо диссонансом, ничего лишнего, неразумного, нервного.

И процессия прошла так через весь огромный город, действительно внушая стране весь ужас происшедшего и всю несправедливость условий, вызвавших несчастье. ...» — *Там же*, 10/23 апреля 1911 года, № 12600. С. 6.

²⁹ И.Л. Толстой собирался в Америку в январе 1911 года. 4 января 1911 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «... Вечером нахлынули сыновья Илья, Андрей и Миша, выпросили 1500 р[ублей] и собирают Илью в Америку продавать Ясную Поляну, что мне и грустно, и противно, и не сочувственно. Я желала бы видеть Ясную Поляну в русских руках и всенародных». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 333.

Поездка И.Л. Толстого в Америку в начале 1911 года не состоялась.

³⁰ В Дневнике Л.Н. Толстого и его переписке с В.Г. Чертковым в конце 80-х годов, в период создания повести «Крейцерова соната», всерьез обсуждался вопрос о целомудренных отношениях супругов в браке. — *ПСС*. Т. 50. С. 64, 83, 113; Т. 86. С. 134-135, 142-143; *Муратов М.В.* Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков по их переписке. М., 1934. С. 159; и др.

³¹ В конце 80-х — начале 90-х годов Л.Л. Толстой тянулся к В.Г. Черткову и в письмах этого периода называл его не иначе, как «Милый друг Дима...». См., напр., письмо Л.Л. Толстого В.Г. Черткову от 19 января 1890 года. — *ОР ГМТ*. Архив В.Г. Черткова, № 60110. Л. 1. Автограф.

Летом 1910 г., видя реакцию матери на появление В.Г. Черткова в Ясной Поляне, Л.Л. Толстой однозначно стал на ее сторону. Его ссора с В.Г. Чертковым 6 июля 1910 года описана во многих мемуарах. — См.: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого (Записки за пятнадцать лет): В 2-х томах. М., 1922. Т. II. С. 101; *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 134. См. также: *Феокритова В.М.* Последний год жизни Л.Н. Толстого: Записки. — *РГАЛИ*, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 278. Л. 33. Машинопись с авторской правкой.

Сразу после похорон отца Л.Л. Толстой публично всю вину за уход и смерть Л.Н. Толстого возложил на В.Г. Черткова. — См.: *Толстой Л.Л.* Кто виновник // *Новое время*. СПб., 16 /29 ноября 1910 года, № 12458. С. 4; *Толстой Л.Л.* Правда во имя его // *Там же*. 20 ноября /3 декабря 1910 года, № 12462. С. 4.

См. также: *Последнее слово сына великого писателя* (Беседа с гр. Л.Л. Толстым) // *Петербургская газета*. СПб., 22 ноября 1910, № 319. С. 2; *Ходатайство гр. Л.Л. Толстого о непризнании духовного завещания Льва Николаевича* // *Столичная молва*. М., 22 ноября 1910 года, № 153. С. 3; *О признании недействительным завещания Л. Толстого: Ходатайство сына графа Л.Л. Толстого* // *Петербургская газета*. СПб. 28 ноября 1910 года, № 319. С. 5; *Письмо графа Л.Л. Толстого* // *Столичная молва*. М., 29 ноября 1910 года, № 154. С. 3.

³² *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14513. Л. 1-6. Автограф.

³³ *Там же*, №. 14514. Л. 1. Автограф. Письмо и конверт с клише отеля Лафайет.

Через несколько дней после получения этого сообщения в Ясной Поляне читали первую открытку Л.Л. Толстого, отправленную из Парижа:

«Вернулся из Америки. Пожалуйста, пишите сюда. Все здоровы. Путешествие было очень интересно и удачно. Дора давно на ногах и быстро поправилась. Как Вы и у вас?»

Увижу Вас весной или ранним летом.

Целую крепко.

Лева

13 апреля <нов. стиля> 1911 <года>

Париж»³⁴.

Открытка получена в Ясной Поляне 18 апреля (ст. стиля) 1911 года³⁵. В тот же день С.А. Толстая откликнулась на известие сына:

«

18 апреля <ст. стиля> 1911 г<ода.

Ясная Поляна>

Сегодня получила твое письмо, милый Лева, о том, что ты вернулся к своей семье в Париж, и очень этому порадовалась. <...>³⁶

Таким образом, первая поездка Л.Л. Толстого в Америку была непродолжительной по времени, но очень важной в его жизни. Через многие годы он вспоминал о ней так:

«Из Ливерпуля в Нью-Йорк я ехал на несчастной «Лузитании», впоследствии стоившей американскому народу сотен тысяч человеческих жизней³⁷.

Кто думал тогда о возможности мировой войны и кто думал после нее о неизбежности новой среди пассажиров трансатлантических роскошных гигантов?»

Среди Атлантич<еского> океана нас застала страшная буря, продолжавшаяся трое суток. Сначала я не хотел поддаваться ей и один из последних бродил по пароходу, борясь с усталостью. Но к вечеру началась такая качка, что приходилось нагибаться под углом в 45 против каждого крена, чтобы не быть отброшенным в сторону. Я решил выйти на палубу, вдохнуть свежего воздуха, но

³⁴ *Там же*, № 14515. Л. 1 об. Автограф.

³⁵ *Там же*. Л. 1.

³⁶ *ИРЛИ*, ф. 303, № 691. Л. 5. Автограф.

³⁷ 24 апреля 1915 года “Lusitania” — большой океанский пароход компании “Cunard Line” — был потоплен немецкой миной. За пятнадцать минут из 1978 пассажиров большинство утонуло, спаслось 658 человек. — См.: *Lusitania Sunk by a Submarine: Probably 1.000 dead //New York Times*. May 8, 1915. P. 1-4; *Great Moments of the Century: As reported by the New York Times*. N.Y., 1977. P. 32-35; *Гибель «Лузитании» //Новое время*. Пг., 26 апреля /9 мая 1915 года, № 14053. С. 4-5; *Лузитания //Там же*, 30 апреля /13 мая 1915 года, № 14057. С. 6.

Однако Л.Л. Толстой ошибся: в 1911 году он плыл на другом пароходе. Вот его описание путешествия, сделанное тогда же для «Нового времени»: «... Из Петербурга кажется почти подвигом поехать в Америку. Из Франции это гораздо легче; а когда, переехав Англию, в Ливерпуле садишься на громадный плавучий дворец в семь этажей, с залами и гостиницами, залитый электричеством, полный удобств и роскоши, с 3.000 пассажиров, с элеваторами на каждый этаж, с оркестром музыки во время завтраков и обедов, лакеями, поварами, цветами, фортепиано, библиотекой, доктором, разменными кассами, просторными каютами, великолепными палубами, со своей газетой, издающейся ежедневно по беспроволочному телеграфу, с ваннами, с телефонами и т.д. и т.д., то забываешь, что это плавучий мир на море, что он пойдет через пустынный океан три тысячи миль. Я переехал из Ливерпуля в Нью-Йорк на лучшем, самом быстром пароходе всех существующих линий, „Мавритани“, сестре „Лузитании“, побившей недавно рекорд скорости между двумя континентами в четверо с половиной суток. Это Кюнарская линия. ...» — См.: *Новое время*. СПб., 18 /31 марта 1911 года, № 12577. С. 5. Подчеркнуто мной. — В.А.

... Кюнарская линия... — по имени сэра Сэмьюэля Кунарда (Кюнард; Cunard; 1787-1865), положившего начало пароходному сообщению между Бостоном, Нью-Йорком и Ливерпулем. — См.: *The New Encyclopædia Britannica*. Chicago; London & etc., [1993]. Vol. 3. P. 294; *Энциклопедический словарь* /Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. Т. XVII. С. 21.

свистевший ярм свистом ветер с такой силой захлопнул на меня двери, что я полетел вниз по лестнице, хватаясь за перила. Кое-как я добрался до моей каюты, бросился на койку и уже больше не поднимался до утра.

Когда мы подходили к Нью-Йорку, я вышел на палубу, где капитан рассказывал пассажирам, что он никогда еще за свою жизнь не бывал в таком урагане. Волны согнули толстые железные листы, окружавшие верхние палубы парохода, и местами сорвали и унесли с собой перила.

Все же “Lusitania” была быстроходной.

Мы переплыли океан в 5¹/₂ суток, что до сих пор почти рекорд.

Но вот и Статуя Свободы, небоскребы громадного города, а слева — бесконечная линия нью-йоркского порта, утопающая в синеющей дали берега.

Мы подходим все ближе, и пассажиры вышли из кают. Среди них две девушки, которые с любопытством смотрят на меня. Не они ли те американки из Питсбурга, знакомые Жизель, о которых она мне говорила?³⁸

Я знакомлюсь с ними, и мы говорим о буре, о Париже, наконец, о Жизель.

— Не правда ли, какая она привлекательная девушка? — спрашивает меня одна из них.

— Очень, — отвечаю я. — Вы давно знаете ее?

— Да, но как жаль, что мы с вами не познакомились раньше.

На пристани Нью-Йорка меня встречает мой знакомый из Trenton’a — Mr. Hill³⁹, с которым я однажды сделал путешествие между Стокгольмом и Петербургом и который теперь пригласил меня остановиться у него в доме⁴⁰.

У Hill’a была скромная и тихая жена и двое детей — сын и дочь, которых я тоже видел на финском пароходе.

Я никого не знал тогда в Америке, кроме этой семьи, поэтому был рад быть среди хороших людей.

Маленький рыжий человек встретил меня на таможне и увез в Trenton на собственном роскошном автомобиле.

³⁸ В очерке «В Америке» Л.Л. Толстой лишь упомянул о них: «...две симпатичные, хорошенькие американки Крэг. ...» — *Новое время*. СПб., 18/31 марта 1911 года, № 12577. С. 5.

³⁹ Эдмунд С. Хилл (Hill; 1855-1936) — интеллектуал, получивший хорошее образование, в 1905 году продавший свое ресторанный дело и занявшийся путешествием по миру и общественной деятельностью у себя дома. Одним из самых успешных его проектов стала организация парков.

Из сохранившихся писем Э. Хилла следует, что их совместное путешествие с Л.Л. Толстым состоялось летом 1907 года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 752. Л. 6-7. Автограф на английском языке.

В цитированном ранее очерке Л.Л. Толстой писал: «... Еще до тяжелых событий в Ясной Поляне я получил от одного моего американского случайного знакомого m[iste]r[r]’a Hill[’a] приглашение приехать пожить у него в Трентоне (Нью-Жерзе), подле Нью-Йорка, и отсюда познакомиться с Америкой и ее жизнью. Судьбе угодно было, чтобы я этим милым приглашением воспользовался, и я жалею только об одном, что не сделал этого раньше, не был и не видал всего того, что вижу. ...» — *Новое время*. СПб., 18/31 марта 1911 года, № 12577. С. 5.

...в Трентоне (Нью-Жерзе)... — речь идет об административном центре штата Нью-Джерси (New Jersey).

⁴⁰ В первом же письме из Трентона от 2 октября 1907 года Э. Хилл пригласил Л.Л. Толстого в Америку и повторял это на протяжении нескольких лет, в том числе в письме от 9 декабря 1910 года. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 752. Л. 1, 6-7. Автограф на английском языке.

1 января 1911 года, получив письмо Л.Л. Толстого, сообщившего о своем желании приехать в Америку, Э. Хилл с радостью принялся деятельно помогать сыну великого русского писателя и взял на себя обязанность устроить Л.Л. Толстому ряд встреч с самыми знаменитыми американцами, со многими из которых он был знаком лично. — *Там же*. Л. 8-9 об.

11 января 1911 года Э. Хилл смог уже конкретно назвать своему корреспонденту примерную программу его предполагаемой поездки по Америке. — *Там же*. Л. 11-12.

У Hill'a была дача, множество участков земли вокруг города, своя пекарня, своя контора продажи и покупки земли, и, по-видимому, весь город знал и уважал его.

Супруги Hill приняли меня с совершенно непонятной для меня добротой. Я спал на пуховом матрасе в комнате их дочери Dorothea, которой не было дома. Кормили меня на убой. Приглашали для меня лучших людей в гости. Возили всюду: в Нью-Йорк, Бостон и Вашингтон.

Между прочим, Hill хотел познакомить меня тогда с Вильсоном⁴¹, который был губернатором его штата и который, по его словам, будет президентом. Но эта поездка наша не состоялась.

Вспомню кратко впечатления от первого знакомства моего с Америкой.

Гостеприимство; званые обеды и вечера; театры и опера; Wall Street⁴²; банкиры Морган⁴³ и Clews⁴⁴; крикливая биржа⁴⁵, жадные люди смотрят на цифры биржевых цен.

Небоскреб «Times'a»⁴⁶, верхние этажи которого медленно качаются. Wool Word building⁴⁷; здание «Утюга»⁴⁸; Музей⁴⁹ и Библиотека⁵⁰; Broadway⁵¹ и Fifth Avenue; еврейский, негритянский и китайский

⁴¹ Э. Хилл действительно был знаком с Вудро Вильсоном (Wilson; 1856-1924), ставшем президентом США в 1913 году и исполнявшем свои обязанности вплоть до 1921 года.

⁴² В цикле очерков «В Америке» Л.Л. Толстой не раз писал об Уолл Стрит — финансовом центре Америк, где расположены фондовая биржа, правления крупнейших банков и т.д. Завершая разговор с читателем-соотечественником, Л.Л. Толстой заметил: «... В квартале Wall Street самые высокие дома. Сейчас строится дом в 50 этажей и, сколько ни поднимай вверх голову, не увидишь верхнего звена этого нового чудовища. Странно видеть, что эти новые стальные постройки ведутся сверху вниз. Верхние этажи у них застроены, стены их заполнены. Внизу или в середине дома рамы еще пусты.

Денежный квартал Нью-Йорка не симпатичен ни внешним видом, ни характером жизни. ...» — См.: *Новое время*. СПб., 24 июня /7 июля 1911 года, № 12672. С. 3. Отрывок из этого очерка Л.Л. Толстого с язвительным комментарием был сразу же перепечатан в другом издании. — См.: *Заботы яснополянского графа // Утро России*. М., 26 июня 1911 года, № 146. С. 2.

⁴³ Джон Пирпонт Морган (Morgan; 1837-1913) — создатель банковского дома «Дж.П. Морган и К», в котором участвовали члены семьи Моргана и два десятка финансовых магнатов, близких к ней.

⁴⁴ Генри Клуз (Clews; 1840-1923) — американский банкир; мемуарист; один из авторов «японского чуда». — См.: *The Encyclopedia Americana*: In 30 volumes. N.Y.; Chicago, 1943. Vol. 7. P. 100.

⁴⁵ О фондовой бирже, которая с 1903 года размещалась в 17-этажном здании на Уолл-Стрит, Л.Л. Толстой писал в одном из своих очерков. — См.: *Новое время*. СПб., 24 июня /7 июля 1911 года, № 12672. С. 3.

⁴⁶ Штаб-квартира газеты «Нью-Йорк Таймс», основанной в 1851 году, расположена с 1904 года в 25-тиэтажном здании на пересечении Бродвея и 7-й авеню.

⁴⁷ Л.Л. Толстой ошибся: 250-метровый 60-тиэтажный небоскреб Woolworth-building строился в 1909-1913 годах по заказу Фрэнка Уинфильда Вулворта (*Woolworth*; 1852-1919), совладельца магазинов-центровок или магазинов «одной цены». — См.: *New York: A guide to the Empire state*. N.Y., 1940. P. 256; *Americana = Америка*: Англо-русский лингвострановедческий словарь /Под общей ред. Г.В. Чернова. М., 1996. С. 1102; *McNally R. Guide to New York City and environs*. N.Y., 1928. P. 147; *Томашин Г.Д.* США: Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. язык, 1999. С. 562.

Построенное в готическом стиле здание позднее было названо «Собором Коммерции». — См.: *Хеммел Ф.* Нью-Йорк'94: Исчерпывающий путеводитель. М.: Зодиак, [1994]. С. 10. Во время своей первой поездки в Америку Л.Л. Толстой, вероятно, мог видеть его только в лесах.

⁴⁸ «Флэтайрон билдинг» (Flatiron building) — один из первых небоскребов; 21-этажное здание необычной треугольной формы, внешне напоминающее утюг, было возведено в 1902 году на пересечении Бродвея и Пятой авеню. — См.: *Хеммел Ф.* Нью-Йорк'94... P. 14; *McNally R. Guide to New York City and environs...* P. 141; *Slocum R., Todd A. A key to New York*. N.Y.; Lnd., 1939. P. 172.

⁴⁹ Крупнейший художественный музей США, Метрополитен-музей (Metropolitan Museum of Art) был открыт в Нью-Йорке в 1870 году на Пятой авеню; в 1902 году к нему был пристроен фасад с четырьмя колоннами; позднее при Музее была открыта библиотека. — См.: *New York: A chronological & documentary history 1524-1970* /Compiled and edited by *Howard B. Furrer*. N.Y., 1974. P. 32-34; *Morris L. Incredible New York: High life and low life of the last hundred years*. N.Y., [1951]. P. 157-162.

⁵⁰ Центральное здание Нью-Йоркской публичной библиотеки было открыто в марте 1911 года и вместило 1.200.000 томов. Позднее еще 1.300.000 книг разместились в нескольких филиалах. — См. подробнее: *Хавкина Л.Б.* Нью-Йоркская публичная библиотека. 2-е изд., доп. М., 1920. С. 11-14.

кварталы; рестораны Childs⁵²; большие магазины «одной цены»; бесконечные линии желтых автобусов, не могущих двигаться свободно; стальные вагоны поездов; мраморный вокзал Пенсильвании⁵³; негры и негритёнки в очках; сельдереи в стаканах ресторанов; Central Park с ужасными, безобразными бюстами⁵⁴; широкая река с пароходами и бесконечный однообразный лихорадочно выросший город⁵⁵.

В Бостоне — храм, газета и люди новейшей религии <средних?> классов — Christian Science, и опять — званые обеды, чаи и вечера⁵⁶. Вот красавица жена одного миллионера, который сидит в

⁵¹ Первые кварталы Бродвея — одной из главных улиц Нью-Йорка, на которой расположено множество деловых контор, шикарных магазинов, а также отели и театры, — были заложены еще в 1835 году. В конце 1880 года Бродвей был освещен электрическими лампами и приобрел свой современный сверкающий вид. — См.: *New York...* P. 25-26, 35.

⁵² Джордж Чайльдс (Childs; 1820-1896) в начале 50-х годов на свой страх и риск занялся устричным промыслом в штате Массачусетс, который принес ему состояние и успех. Один из его сыновей, Сэмюэл Хупер Чайльдс (1851-1919), его вторая жена Кэрри Каролина (урожд. Lovell; 1871-1932) и другие члены большой семьи продолжили его дело, а потом открыли сеть ресторанов, в том числе и в Нью-Йорке.

Ресторанная корпорация Чайльдсов возникла в Нижнем Манхэттене, где к 1900 году они первыми в стране ввели систему самообслуживания в кафетерии и предложили посетителям постоянный набор вкусной и недорогой пищи от 10 до 20 центов. За короткое время рестораны Чайльдса на Бродвее стали своеобразным центром притяжения, куда деловые люди отправлялись на встречи, где подростки могли скрыться от родительских глаз, а дети учились правильно и красиво есть, получая удовольствие как от процесса еды, так и от представлений фокусников, специально для них устроенных. — См.: *Morris L. Incredible New York...* P. 260; *Slocum R., Todd A. A key to New York...* P. 252.

Позднее, в 1923 году The Childs Restaurant Corporation построила красивое здание в районе 21-ой улицы и Кони Айленда в Бруклине, которое многие годы оставалось архитектурной достопримечательностью Нью-Йорка.

Последнее обстоятельство позволяет предположить, что в памяти Л.Л. Толстого слились впечатления от посещений Нью-Йорка в 1911, 1917, 1925 и других годах.

⁵³ Вокзал «Пенсильвания» — самый оживленный из всех железнодорожных нью-йоркских вокзалов — был построен в 1911 году и сразу же стал достопримечательностью центральной части Манхэттена. Он просуществовал до 1963 года. — См.: *Americana = Америка...* С. 726; *McNally R. Guide to New York City and environs...* P. 144-146; *Facts about New York.* N.Y., 1928. P. 38.

⁵⁴ Центральный парк в Нью-Йорке был создан в середине XIX века. Одной из его особенностей являются памятники поэту-романтику Уильяму Брайанту (Bryant; 1794-1878), писателю Вашингтону Ирвингу (Irving; 1783-1859), датскому сказочнику Хансу Кристиану Андерсену (Andersen; 1805-1875), а также героине повести «Алиса в стране чудес» английского сказочника Льюиса Кэрролла (Carroll, псевд.; настоящее имя — Чарльз Латуидж Доджсон; Dodgson; 1832-1898) и др. — См.: *Facts about New York...* P. 23.

Какие из этих памятников так ему не понравились, Л.Л. Толстой не уточнил.

⁵⁵ Нью-Йорк расположен в устье реки Гудзон, названной в честь английского мореплавателя XVI века, открывшего эту реку, Генри Гудзона (Hudson).

⁵⁶ В очерке для русских читателей Л.Л. Толстой так описал посещение Бостона, одного из крупнейших промышленных и торгово-финансовых центров Америки, административного центра штата Массачусетс (Massachusetts), порта на побережье Атлантического океана:

«... В Бостоне мне показали маленькую унитарную церковь, в которой проповедовал знаменитый Эмерсон, мой любимый американский мыслитель. Когда-то он был либеральнее своей унитарной церкви, теперь унитарянцы выросли до своего учителя. Повели меня в громадную церковь (Christian Science), которая поразила меня своим великолепием. У нас знают об этом интереснейшем новом религиозном течении очень мало. Немногие читали знаменитую здесь, в Англии, Южной Америке, Австралии книгу Mary Eddy — Science and Health. Идея книги — бессмертие — закон жизни, физическая жизнь — только временное проявление вечной сущности. Физическое здоровье необходимо для счастья. Оно достигается разумной жизнью, радостностью и перенесением телесных страданий. Поэтому все приверженцы этой замечательной религии нового времени отличаются всегда ровным, веселым нравом. Приводят примеры, как мужественно переносят всякие неудачи и невзгоды эти христиане. В железнодорожной катастрофе одному из приверженцев этой веры измяло ногу, которую пришлось отнимать. Он перенес операцию без хлороформа, отказался даже от услуг сиделки. Замечательно, что здесь насчитывается больше миллиона приверженцев этой церкви. Служба очень проста.

Читают и говорят непременно мужчина и женщина. Читают Евангелие и книгу Mary Eddy. Ее изречения рядом с изречениями Христа написаны на стенах. Новая церковь вмещает около 5.000 человек. В ней самый большой в Америке орган, занимающий громадную стену. Подле церкви громадное здание „Христианской науки“, одной из самых больших издательских фирм в мире. Здесь печатается несколько журналов, множество брошюр и ежедневная газета „Христианская наука“, одна из лучших в Бостоне. ...

В Бостоне мы посетили еще другую новейшую церковь спиритуалистов, которой я заинтересовался, как диковинкой. Тут портреты духов на стенах, тут всякие спиритуалистические и каб[б]алистические книги в библиотеке, тут транс-спиритуалистические проповеди верующих, в которых вселяются то духи индейцев, то духи Жанны д'Арк, то других великих умерших, говорящие их устами.

Темная, таинственная часовня человек на пятьсот, еще более темный зал в нижнем этаже. Есть картины, сделанные спиритами во сне, в трансах. Глава этой церкви прислал мне книгу, выражающую основу их веры, которую я еще не успел

сумасшедшем доме⁵⁷. Вот переводчик сочинений отца — милейший человек, который показывает меня своим друзьям как диковинку⁵⁸.

просмотреть. К счастью, чистые спиритуалисты здесь, кажется, редки. Есть еще новость — это бабисты, которых, говорят, довольно много. ...» — См.: **Новое время**. СПб., 18 апреля / 1 мая 1911 года, № 12606. С. 2-3.

Ральф Уолдо Эмерсон (Emerson; 1803-1882) родился в Бостоне в семье унитариянского священника. Эмерсоны принадлежали к коренным пуританским поселенцам Новой Англии и насчитывали в своем роду целую династию священников.

Высшее богословское образование Р.У. Эмерсон получил в Гарвардском университете, по окончании которого он вернулся в Бостон и стал священником унитариянской церкви. Однако вскоре Эмерсон поселился в маленьком городке Конкорд неподалеку от Бостона и посвятил себя поискам истины. Его лекции и публичные выступления вызвали огромный интерес, особенно у молодых слушателей.

Религиозно-этическая направленность сочинений Эмерсона нашла отклик и в душе Л.Н. Толстого, считавшего Эмерсона одним из самых глубоких мыслителей. — **ПСС**. Т. 49. С. 92, 234; Т. 88. С. 211; и др.

Л.Л. Толстой раньше не проявлял интереса к творчеству Эмерсона. После смерти отца ситуация существенно изменилась.

Христианская наука (Christian Science) — секта в Америке, основанная в конце 80-х годов XIX века.

Мэри Морс Глоувер Эдди (Eddy; 1821-1910) — религиозная писательница, автор многих книг, в том числе «Наука и здоровье», присланных в Ясную Поляну. — См.: **Eddy M.** Christian science: No and yes. Boston, 1889; **Eddy M.** Science and health: With the key to the Scriptures. Boston, 1887; и др. В библиотеке Л.Н. Толстого сохранились также более поздние издания этой книги 1896 и 1900 годов. — См.: **Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне**: Библиогр. описание. В 3-х частях. Ч. III. Книги на иностранных языках. Тула: Ясная Поляна, 1999. С. 322-324. См. также: **Вудсворт Дж.** Лев Николаевич Толстой и Мэри Бэкер Эдди: сопоставительный взгляд // **Лев Толстой и мировая литература**: Материалы международной науч. конф. Вып. 2. [Тула, 2005.] С. 121-135.

...*спиритуалистические* (от латин. spiritus — дух, душа) [книги] — книги, в которых обосновывалось религиозное верование в существование Бога и бессмертие души.

...*каб[б]алистические* книги (от древнеевр. Каббала — предание) — то есть, книги, в которых дается религиозно-мистическое объяснение явлений действительности и утверждается вера в то, что с помощью специальных ритуалов, молитв и волевых актов человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс истории (например, приближать приход мессии путем придания магического смысла словам и числам, а также символического истолкования текстов Священного писания).

Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc; около 1412-1431) — крестьянская девушка, по воле голосов и по внутреннему порыву возглавившая общенародную борьбу французов с английскими завоевателями в период Столетней войны 1337-1453 годов.

...*бабисты*... — точнее, *бабиды*, последователи вождя религиозного движения в Персии Али-Мохаммеда Сейида (1820-1850), объявивший себя *Бабом*, т.е. «вратами», через которые должна передаваться воля пророка-избавителя (махди). Проповеди Баба против феодальных порядков привлекли к нему многочисленных последователей, которые в 1848-1852 годах вели борьбу за власть. По приказу шаха за свои убеждения предводитель восставших Баб был расстрелян.

Л.Н. Толстой интересовался этой пьесой в связи с движением *бабидов*. — См.: **Булгаков В.** Л.Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л.Н. Толстого. М.: Правда, 1989. С. 242, 411; **Наживин И.** Голоса народов. М., 1908. Вып. I. С. 16-64.

⁵⁷ Возможно, это о ней сказано в очерке Л.Л. Толстого: «... *Есть в Бостоне оригинальная женщина — миллионерша г-жа Гарднер. Она перевезла из Венеции целый дворец и поставила его в центре Бостона. В этом дворце замечательнейшая картинная галерея. Г-жа Гарднер, кроме того, занимается широкой благотворительностью.* ...» — См.: **Новое время**. СПб., 18 апреля / 1 мая 1911 года, № 12606. С. 2-3.

О г-же Изабелле Стюарт Гарднер (Gardner; 1840-1924) см.: **Americana = Америка...** С. 462.

⁵⁸ Вероятно, речь идет о Натане Хаскеле Доуле (Dole; 1852-1935), корреспонденте и переводчике сочинений Л.Н. Толстого. — См.: **Л.Н. Толстой в переводах на иностранные языки**: Отдельные зарубежные издания: Библиография. М., 1961.

В архиве Л.Л. Толстого сохранились четыре письма Н. Доула от 29 марта–14 апреля 1911 года с приглашением выступить в университетских и писательских клубах Нью-Йорка и Бостона с рассказом о России. — **ИРЛИ**, ф. 302, № 287. Л. 1-12. Автограф на англ. языке.

В очерке «В Америке», предназначенном для русских читателей, Л.Л. Толстой писал по поводу встреч с американскими слушателями:

«В Бостоне, в сопровождении моих друзей, я был принят в аэроклубах, где меня просили говорить. В одном клубе я увидел многих поклонников отца, а также в клубе XX столетия, где говорили не так давно Милюков и г-жа Брешковская, о которой я раньше никогда не слышал и о которой все отзывались с похвалой. Но мне было жаль, что клуб, благодаря одностороннему освещению России и русской жизни этими русскими людьми, имел о ней не вполне ясное и верное понятие. У меня не было времени самому говорить подробно о России, но из вопросов и разговоров я увидел, что было бы очень полезно сделать это и, может быть, если у меня хватит сил и времени, я прочту несколько лекций о русской жизни в здешних больших городах. Американцы знают о России через людей, освещающих ее только с одной отрицательной стороны. ... В Бостоне я посетил дочь поэта Лонгфел[л]о, домик и комната которого с любовью охраняются детьми и показываются раз в неделю публике.

Я был принят в два частных дома к обеду, где опять встретил ту же искреннюю любовь каждого к отцу и России. Один обед, вегетарианский, был в семье приверженцев „Христианской науки“, другой — в семье банкира, у которого каждое воскресенье собирается цвет бостонского общества. ...» — См.: **Новое время**. СПб., 18 апреля / 1 мая 1911 года, № 12606. С. 2-3.

В Вашингтоне Тафт принимает меня в Белом Доме⁵⁹. У него болят глаза, и он в черных очках. Спрашивает, как мне нравится Америка, долго ли я пробуду. Говорит, что глаза его беспокоят. Потом завтрак с блестящей, красивой Алисой Longworth⁶⁰, дочерью Теодора Рузвельта⁶¹, потом визит к Эдисону, который показывает мне свои мастерские и, между прочим, готовые разборные домики для рабочих из цемента.

Эдисон в легком сером костюме и говорит мне, что круглый год надо носить легкую одежду, чтобы давать доступ воздуха к коже. Он гордится своим граммофоном, который считает одним из

Почетный доктор ряда американских университетов, Павел Николаевич Милюков (1859-1943), историк, лидер партии конституционных демократов (кадетов), депутат Третьей (и потом — Четвертой) Государственных Дум; один из редакторов влиятельной газеты «Речь»; позднее — министр иностранных дел Временного правительства в марте-мае 1917 года. В 1921 году П.Н. Милюков в Париже начал издавать газету «Последние новости», в которой печатались и воспоминания Л.Л. Толстого.

В 1903-1904 годах П.Н. Милюков преподавал в Америке и вернулся в Россию в 1905 году. В январе 1908 года он был вновь приглашен для чтения лекций в Америку и его выступления пользовались успехом. — См.: *Энциклопедия российско-американских отношений XVIII-XX века*. М.: МО, 2001. С. 337-338.

Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (урожд. Вериги; 1844-1934) — лидер партии эсеров; в 1907 году была арестована и сослана в Сибирь, где находилась вплоть до Февральской революции. Она дважды приезжала в Америку: в декабре 1904 года и в 1919 году. — См.: *The Encyclopedia Americana...* Vol. 4. P. 469.

Ее первая поездка длилась несколько месяцев и была особенно удачной. О ее выступлениях в Бостоне и Чикаго писали местные газеты. Один из американских корреспондентов Л.Н. Толстого, писатель и критик Эрнест Кросби (1846-1906) 20 января 1905 года писал ему из Нью-Йорка: «... Бежавшая из Сибири г-жа Брешковская увлеклась здесь работой в комитете помощи голодающим, организованном “Обществом друзей русской свободы”. ...» — См.: *Толстой и зарубежный мир*: В 2-х книгах. М.: Наука, 1965. (Литературное наследство. Т. 75). Кн. 1. С. 398-400.

После отъезда из Америки в марте 1905 года Е.К. Брешковская на протяжении многих лет переписывалась со своими корреспондентами. Этому не помешала ни ссылка, ни революция. См. ее письма 1905-1917 годов в кн.: *The Little Grandmother of the Russian Revolution: Reminiscences and letters of Catherine Breshkovsky* /Edited by A.S. Blackwell. Boston, 1919.

Генри Уордсворт Лонгфелло (Longfellow; 1807-1882) — американский поэт, чуткость которого сравнивали с эоловой арфой, а виртуозность подражания природе завораживала слушателей и читателей.

...дом-музей Лонгфелло (Longfellow House) с великолепным садом, разбитым в форме семиструнной лиры, находится в Кембридже, пригороде Бостона. — См.: *Boston: Architecture*. Boston, 1970. P. 107; *Брукс Ван Вик*. Писатель и американская жизнь: В 2-х томах. М.: Прогресс, 1967. Т. I. С. 114, 228.

...посетил дочь поэта Лонгфелло... — у Генри Лонгфелло было три дочери. С кем именно встречался Л.Л. Толстой, установить не удалось. — См.: *Wagenknecht E.* Longfellow: A full-length portrait. N.Y. & etc., 1955.

⁵⁹ Уильям Тафт (Taft; 1857-1930) — президент США в 1909-1913 годах.

Корреспонденты российских газет с иронией описали пребывание Л.Л. Толстого в Америке, в том числе встречу с президентом Тафтом и выступление на митинге, устроенном «Нью-Йоркской лигой интернационального мира в Metropolitan Temple» 16 апреля (нов. стиля) 1911 года, в котором Л.Л. Толстой ссылаясь на беседу с Тафтом о новом политическом союзе России и США. — См.: *Л.Л. Толстой и ... международный мир* (От нашего нью-йоркского корреспондента) /М. В-урь // *Приднепровский край*. Екатеринославль, 23 апреля 1911 года; *Л.Л. Толстой в Америке* /Тоже Лео // *Газета-копейка*. СПб., 26 апреля 1911 года.

По возвращении в Россию летом 1911 года Л.Л. Толстой в беседах с журналистами особо подчеркивал тот факт, что именно он убедил американского президента расширять мирные инициативы. «Я могу гордиться тем, что устроил поездку в Россию американской эскадры. ...президент Тафт первый настаивал на скорейшей отправке эскадры». — См.: *Потемкин А.* “Откровения” Толстого сына // *Биржевые ведомости*: Вечерний выпуск. СПб., 14 июня 1911 года; *Л.Л. Толстой в новой роли* // *Газета-копейка*. СПб., 15 июня 1911 года; *Нашелся еще один “великий” человек* // *Земщина*. СПб., 15 июня 1911 года; *Хлестаковщина Л.Л. Толстого* // *Утро России*. М., 15 июня 1911 года, № 136. С. 3; *Авсенко В.* В наши дни // *Петербургская газета*. СПб., 16 июня 1911 года; *Хлестаковщина* /*Misca* // *Раннее утро*. М., 16 июня 1911 года. [С. 3]; *Львенок в роли Хлестакова* // *Земщина*. СПб., 19 июня 1911 года; *Арабески*: Дневник дачницы[: Фельетон] /*Гарольд* // *Киевская мысль*. 19 июня 1911 года, № 167. [С. 4]. — *Отдел книжных фондов ГМТ*. Коллекция В.Г. Черткова.

Однако о мирных инициативах президента Тафте, выступившего на Третьем национальном конгрессе мира в Балтиморе, русская печать сообщила еще весной. — См.: *Конгресс мира* // *С.-Петербургские ведомости*. 22 апреля 1911 года, № 108. С. 5.

⁶⁰ Алиса Лонгворт (Longworth; урожд. Рузвельт; 1884-1980) действительно была помощницей и другом своего отца. — См.: *Longworth A.R.* Crowded Hours: Reminiscences. N.Y.; Lnd., 1933; *Brough J.* Princess Alice: A biography of Alice Roosevelt Longworth. Boston; Toronto, 1975.

⁶¹ Теодор Рузвельт (Roosevelt; 1858-1919) — президент США в 1901-1909 годах.

полезнейших изобретений, и показывает новые ролики для запечатления на них живой речи и для диктовок⁶².

У Эдисона был сын, как сказал мне Hill, который проматывал его состояние⁶³.

⁶² Томас Алва Эдисон (Edison; 1847-1931) — американский изобретатель и предприниматель; одно из его творений — фонограф — Эдисон в 1908 году прислал в Ясную Поляну. — См.: *Переписка Толстого с Т. Эдисоном* //Л.Н. Толстой: [В 2-х книгах]. М.: Изд-во АН СССР, 1939. (*Литературное наследство*. Т. 37-38). [Кн.] II. С. 330-338. См. также: *Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни...* С. 188, 218.

Встрече с Т.А. Эдисоном Л.Л. Толстой посвятил специальный очерк.

«Меня интересовал один из американских гениев — Эдисон, и на днях я увиделся с ним. Он живет недалеко от Нью-Йорка и от городка Нью-Арка, в Оранже. Меня поразил вид местности, на которой расположены эдисоновские мастерские. И ожидал увидеть лаборатории вроде наших университетских, ожидал встретить уже дряхлого старика, работающего над какой-нибудь ретортой или электрическим аппаратом. И был удивлен, когда увидел совершенно другое. Только в молодой стране электричества и техники возможен такой размах труда и размеры его, какие я встретил у Эдисона.

На нескольких акрах земли громадные фабричные здания в 7-8 этажей. Мастерские, склады, амбары, конторы и пять тысяч рабочих. Все это эдисоновская фабрика — фабрика граммофонов, электрических батарей, кинематографических лент, аккумуляторов, цементных изделий, химических препаратов и т.д.

У Эдисона запатентовано несколько сот изобретений, из которых многие изготовляются в его Оранже.

Эдисон начал свою карьеру с продажи газет, потом был телеграфистом на станциях. Теперь он не только всемирная знаменитость, но и миллионер, директор многих компаний его имени. Происхождением он канадец. Есть два тома его биографии со всеми указаниями его трудов. Теперь ему 64 года. Эдисон одновременно с Бел[л]ем изобрел телефон, за этим следует сложный двойной, четверной, восьмерной телеграф, т.е. телеграфирование по одному проводу двух, четырех, шести и восьми известий сразу, затем фонограф, говорящий телеграф, цветной и говорящий кинематограф, электрические батареи для автомобилей и множество других.

Эдисон встретил нас в своей библиотеке и был очень любезен со мной. Я напомнил ему о том, что он подарил отцу фонограф, который ему был полезен и за который он был благодарен. Эдисон сказал, что валики с голосом отца у него бесспорно сохраняются и что их можно получить у него, когда угодно, но что жаль только, что отец мой не мог говорить громче. Эдисон глуховат, так что надо ему говорить на ухо. Он сам не огорчается этим. Рад, что ничего лишнего не слышит. Это еще бодрый, свежий старик, совершенно седой, бритый, с быстрыми движениями и быстрым, пронизательным взглядом голубых глаз. Высокий ростом, с приятным, добрым голосом.

Прежде всего он показал мне модель цементной постройки для рабочих. Идея его выливать из цемента в стальные формы готовые домики для рабочих. Он утверждает, что такие домики будут обходиться очень дешево и что прочность их вечная. Он уже сделал ряд опытов в этом деле. Цемент потом полируется и красится под какое угодно дерево, на нем делаются орнаменты и получаются таким способом удобные для жилья, красивые постройки, стены которых можно наполнять из чего угодно, если заливать их цементом. Толщина стен очень небольшая, в вершок. Эдисон, по-видимому, очень заинтересован этой новой идеей, и, действительно, она заслуживает, мне кажется, большого внимания. Самая дорогая часть всякой постройки, материал, этим удешевляется в сотни раз, потому что земля, щебень, глина, руда, камень — все может служить им и все это можно найти.

Потом Эдисон повел меня в свою любимую лабораторию, куда никто не допускается. Здесь он показал мне еще одно новое исследование свое, которое также за последнее время его очень увлекает. Это опыты создать из никеля путем электрической очистки никелевую бумагу. Такая бумага, во-первых, вечная, во-вторых, настолько тонка, что полное собрание сочинений Толстого можно было бы напечатать в одной книжечке. Эдисон говорит, что сталь и металл должны в будущем заменить дерево и бумагу, как они уже заменяют здесь их во многом. Даже многие вагоны товарных поездов здесь делаются из стали и железа. Весь уголь перевозится в них. Кстати, товарные поезда здесь доходят до 100 вагонов длиной, и вагоны крупнее наших. С одним из помощников Эдисона я обошел его фабрики. Лифты поднимали и опускали нас на верхние и нижние этажи.

Рабочие [вы]глядят неважно. В некоторых отделениях, там, где проявляют кинематографические эдисоновские ленты, рабочие работают десять часов в день за полтора доллара в душной атмосфере и темноте, тускло освещенной лишь красными лампочками. Громадные черные цилиндры вертятся в ваннах, промывая ленты. Все, конечно, движется электрической энергией. В корпусе, где фабрикуются граммофоны, условия работы также очень тяжелые, особенно в верхнем этаже, где изготовляются восковые валики.

Нелегка и участь барышень, обязанность которых целый день стоять у фонографа и слушать его, проверяя готовые в продажу экземпляры. Они до того привыкают к этой музыке, что не слышат ее, а только слышат дефекты машины. Не помню точно цифр, но, кажется, полтора миллиона граммофонных валиков фабрикуется в Оранже ежегодно. Как видите, Эдисон — настоящий американец, гений его развился и развивается в делах, в непрерывном упорном труде. Он работает с раннего утра и до поздней ночи, иногда просиживая за занятиями до утра. Он постоянно выдумывает все новое и новое и упорно достигает своих целей, не жалея никаких средств, когда ему нужно добиться чего-нибудь. Рассказывают, что он теряет иногда десятки тысяч на своих опытах, но зато всегда добивается определенных конечных выводов. Теперь цветной и говорящий кинематограф его готов, и весной он пустит его в продажу. Он оказал мне, что иллюзия жизни получается удивительная. Видишь настоящих двигающихся людей, и все они говорят. Эдисон был очень внимателен ко мне, и я рад, что был у него.

*Это чудесник нашего времени, это величайший гений». — См.: **Новое время**. СПб., 2 /15 мая 1911 года, № 12620.*

С. 2.

Александр Грейам Белл (Bell; 1847-1922) — английский изобретатель, предложивший в 1876 году одну из первых конструкций телефона.

⁶³ У Эдисона было двое сыновей от первого брака (Томас Альва-младший; род. в 1876 году; и Уильям; род. в 1878 году) и один от второго. — См.: *Simonds W.A. Edison: His life, his work, his genius*. Lnd., [1935]; *Silverberg R. Light for the World: Edison and the power industry*. Princeton, [1967]. P. 199-200, 214. Кого имеет в виду Л.Л. Толстой, установить не удалось.

В литературе об Эдисоне чаще встречается другое утверждение: *«Старший сын изобретателя унаследовал склонности и способности своего отца и является лучшим его помощником. И мысль о том, что дело его жизни, дело, которому Эдисон посвятил всего себя, не умрет вместе с ним, а перейдет в надежные руки, эта мысль наполняет сердце старика гордостью и радостью».* — См.: *Каринцев Н. История одной жизни (Томас Альва Эдисон)*. М., 1913. С. 124.

Однажды в Нью-Йорке, на большом вечере в Бруклине, мой знакомый французский барон *Destournelle Constant* говорит речи против войны. Меня просят тоже сказать несколько слов, и я в первый раз в жизни говорю публично.

Destournelle Constant был человеком искренним и идейным. Ему справедливо присудили Нобелевскую премию Мира⁶⁴.

— *Il faut se jeter à l'eau*⁶⁵, — поощряет меня барон перед тем, как я вбегаю на эстраду.

После наших речей две красавицы американки танцуют передо мной национальные танцы Виргинии. Одна другой лучше, они шутливо кокетничают и заигрывают со мной, и одна бросается рядом со мной на диван и почти обнимает меня.

— Напрасные усилия! — кричит ей другая. — У него сердце зашито! Занято! Это видно сразу!

Я посещаю также женское училище *Wellesley College*⁶⁶, где училась дочь *Hill*'а. Я не видал ее с тех пор, как мы вместе ехали в Стокгольм из Петербурга. Тогда она была еще девочкой, теперь — взрослой серьезной девушкой с кротким, милым лицом. Она крепко жмет мне руку и краснеет, глядя мне в глаза.

В ее колледже я встречаю молодую русскую еврейку, которая горько жалуется мне на порядки и поверхностность американского образования.

Так знакомился я с Америкой и еще не думал о возвращении в Париж, когда я неожиданно получил телеграмму из Парижа⁶⁷ об опасной болезни моей жены⁶⁸.

* * *

Второе посещение Америки состоялась через несколько лет, весной 1917 года. Многое изменилось за эти годы и в мире, и в жизни Л.Л. Толстого. В разгаре была Первая мировая война, которую Л.Л. Толстой предчувствовал⁶⁹, приветствовал в нескольких своих статьях⁷⁰, в которой

⁶⁴ В одном из очерков Л.Л. Толстой назвал точное место встречи: нью-йоркский клуб XX столетия, «где барон *d'Estournelle Constant* говорил о миссии Америки в деле всеобщего мира». — *Новое время*. СПб., 4 /17 апреля 1911 года, № 12594. С. 2.

Известный французский дипломат, общественный и политический деятель, лауреат Нобелевской премии мира за 1909 год, барон Поль Анри Бенжамен *Детуэрнель (д'Этуэрнель) де Констан* (1852-1924) бывал в России, в том числе в феврале 1910 года, когда он возглавлял парламентскую делегацию Франции и от ее имени послал приветственную телеграмму Л.Н. Толстому в Ясную Поляну.

Убежденный пацифист, он еще в марте 1905 года обращался к Л.Н. Толстому за содействием, но не нашел понимания. Тем не менее барон *Детуэрнель де Констан* продолжал призывать людей в разных частях света к всеобщему миру. — *ПСС*. Т. 58. С. 15, 318; Т. 75. С. 238; Т. 81. С. 95.

⁶⁵ Надо бросаться в воду (*фр.*).

⁶⁶ В очерке, предназначенном для русских читателей, Л.Л. Толстой отметил свое посещение колледжа в местечке Велслей (*Wellesley College*) в 12-ти милях от Бостона — высшего учебного заведения для женщин, открытого в 1875 году. — См.: *Новое время*. СПб., 4 /17 апреля 1911 года, № 12594. С. 2. См. также: *American universities and colleges* /Ed. by *A.J. Brumbaugh*. Washington, 1948. P. 925-927.

⁶⁷ Телеграмма неизвестна.

⁶⁸ *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни: В 3-х книгах. Книга II. Глава 5. Машинопись с авторской правкой. — *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого.

⁶⁹ 3 июля /20 июня 1912 года Л.Л. Толстой писал из Хальмбюбуды:
«<...> Вообще в данную минуту в мире, как это ни страшно, по-моему, опаснее всего и ближе всего сложная, страшная международная война. Мне кажется, что она зреет и должна скоро разразиться. Это будет, м<ожет> б<ыть>, одна из самых кровопролитных войн в истории человечества. Сохраните это письмо, чтобы будущее поколение прочло в нем мое пророчество. Голос отца смолк, люди разочаровались в успехе его учения, и все варварство наше скоро откровенно развернется перед нами. Целую Вас и Кузминских.

Ваш Лев». — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14549. Л. 2. Автограф.

принял участие в первый месяц войны в качестве Уполномоченного Российского Красного Креста действующей армии. Накануне отъезда из Петербурга он писал С.А. Толстой:

«Дорогая мамá, еду завтра, 6-го августа, в Варшаву. Писать: Варшава. Местное управление Красного Креста, уполномоченному Гр<афу> Толстому. У нас подобралась милая компания уполномоченных⁷¹. Вероятно, скоро начнется большое и ответственное дело. Рад, что вырвусь отсюда. Семья в Швеции⁷². Писем нет. Как Вы поживаете в эти трудные времена?

У меня в душе смятение.

Завтра, надеюсь, что, выехав уже в сферу войны, будет на душе легче.

Целую Вас много раз. Поклон милой Антонине Тихоновне⁷³ и Илье Васильевичу⁷⁴.

Лева.

5 ав<густа 19>14 з<ода>.

С.<->П<етербург>»⁷⁵.

С дороги Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну несколько строк, чтобы успокоить С.А. Толстую:

«Пищу из Вильны, где поезд стоит два часа. Едем хорошо. Много интересного. Напишу из Варшавы подробнее. Целую. Л<ева>»⁷⁶.

И, действительно, 2 октября 1912 года началась первая Балканская война, в которой Балканский союз (Болгария, Сербия, Греция и Черногория), опиравшийся на поддержку России, сражался с Турцией. Русская пресса внимательно следила за ситуацией. — См: **Война на Балканском полуострове //Новое Время**. СПб., 1 /14 октября 1912 года, № 13131. С. 4. Через несколько дней газета подтвердила: «Балканская война наконец началась. ...» — См.: **Война //Там же**, 5 /18 октября 1912 года, № 13135. С. 3.

30 мая 1913 года в Лондоне был подписан мирный договор, согласно которому часть турецкой территории отходила странам-победительницам, однако через месяц, 29 июня 1913 года внутри них вспыхнула вторая Балканская война, в которой Болгария противостояла трем бывшим союзницам, к которым присоединились Румыния и Турция. 10 августа 1913 года, признав поражение, Болгария подписала в Бухаресте крайне не выгодный для себя мирный договор, по которому ее земли частично отошли победителям. Балканские войны всего год спустя переросли в Первую мировую или Великую войну.

И в Ясную Поляну, куда Л.Л. Толстой приехал на лето 30 июля 1913 года, обсуждалась возможность войны. 26 августа 1913 года С.А. Толстая отметила в ежедневнике: «Вели втроем: Лева, Булгаков и я — длинные разговоры о войне, об общественном устройстве и т.п.». — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 395.

⁷⁰ Через несколько дней после вступления России в войну появилась статья Л.Л. Толстого «За свое великое»:

«Встает, поднимается русский народ... Хочет стряхнуть с плеч вековое немецкое иго. Идет на смерть за свое великое.

Давно в истории русской не было такого взрыва воодушевления. Что-то надвигается такое, чего мы не ждали от нас самих, чего мы не ждали от Провидения. Каждый день, каждая секунда русской жизни теперь полны глубочайших душевных переживаний, глубочайшего смысла, серьезности и умиления. ...

*Борьба началась за те великие начала, какие должны стать навеки в основу культуры человечества... Начала эти славянские. Эта борьба не оценивается обыкновенной меркой. Перед этой борьбой, за которой рвется на простор подавленный дух, нет ни страха смерти, ни страха перед страданиями, которые облегчат долг каждого из тех, кому не суждено быть в рядах борющихся...» — См.: **Новое Время**. СПб., 24 июля /6 августа 1914 года, № 13780. С. 4. Подчеркнуто Л.Л. Толстым.*

⁷¹ Отряд уполномоченных, выехавший в Варшаву 6 августа 1914 года, возглавили председатель Третьей Государственной думы Александр Иванович Гучков (1862-1936) и депутат Второй, Третьей (и позднее Четвертой) Государственных Дум Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870-1920).

⁷² Д.Ф. Толстая с детьми покинула Петербург 24 августа 1914 года. Через месяц, 20 сентября (нов. стиля) в Хальмбюуде родилась дочь Татьяна (в замужестве Паус; [Paus]).

⁷³ Антонина Тихоновна Кудрявцева (род. в 1891 г.), дочь священника, с конца августа 1913 года жила в Ясной Поляне в качестве компаньонки С.А. Толстой. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 395.

⁷⁴ **Илья Васильевич** Сидорков (1858-1940) с 1893 года служил в доме Толстых.

⁷⁵ **ОРГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 14601. Л. 1-2. Автограф.

⁷⁶ **Там же**, № 14602. Л. 1 об. Автограф.

Известие о смерти М.С. Сухотина 8 августа 1914 года застало Л.Л. Толстого уже на новом месте. В недатированном письме он так отозвался на семейную беду, попутно кратко обрисовав обстановку, в которой оказался по собственной инициативе:

«Дорогая мамá, адрес мой: Варшава Вейская, 8. Телеграммы <посылать:> Варшава <Красный> Крест, мне. Я пока здесь и идет подготовительная работа. Раненых пока не много. Я ничего еще не знаю о своих и беспокоюсь. Послал телеграмму. Ответа нет. Смерть Мих<аила> Серг<еевича> меня поразила. Бедной Тане многое приходится переживать. Мы устроились в большом институте Ведомства Императр<ицы> Марии⁷⁷, где пока весь наш отряд Гучкова и уже разбит большой госпиталь. Погода здесь дивная.

Множество петербургских знакомых и даже родственников. Интересом полна каждая минута. Сейчас видел на улице немецких пленных. Как Вы?⁷⁸ Кто с Вами? Где Андрей и что остальные?

Целую много раз.

Лев»⁷⁹.

Вероятно, в тот же день Л.Л. Толстой написал коротенькое письмо Т.Л. Сухотиной-Толстой:

«Дорогая Таня, пишу тебе под впечатлением известия о смерти Михаила Сергеевича. В угар войны не так чувствуется твое горе, но даже в нем мне больно за тебя. Обнимаю тебя крепко. Я пока в Варшаве. Адрес сюда: Вейская 8. Телеграммы: Варшава. <Красный> Крест, мне. Бог знает, когда эта открытка дойдет до тебя, но все же пусть она донесет до тебя мою любовь.

Лева»⁸⁰.

В те же дни Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну письмо, в котором он впервые за все это время поделился с матерью своими впечатлениями от войны:

*« Варшава 17 авг<уста 19>14 г<ода>
Дорогая мамá, получил Ваше письмо из Кочетов⁸¹. Спасибо, что вспомнили. Я Тане уже написал. Не знаю, получит ли. Эти дни сразу много поездов с ранеными, и сразу город и госпиталя ими наполнились.*

Картины ужасные, и дела очень много. Сейчас вырвал время написать три письма. Сегодня меня радостно удивил брат Миша⁸². Вдруг на вокзале, где я принимал поезд с ранеными, он является, сияющий и

Судя по почтовым штемпелям на почтовой карточке с оплаченным ответом, почта в это время работала еще без перебоев: «Вильна вокзал 7.8.14» и «Ст<анция> Засака 10.8.14». — *Там же*. Л. 1-1 об.

⁷⁷ Госпиталь развернут был под патронажем вдовствующей императрицы Марии Федоровны (урожд. Мария-София-Фредерика-Дагмара; 1847-1928).

⁷⁸ До 16 августа 1914 года С.А. Толстая была в Кочетах у Т.Л. Сухотиной-Толстой. — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 413.

⁷⁹ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14603. Л. 1 об. Автограф. Почтовая открытка пришла в Ясную Поляну 17 августа (ст. стиля) 1914 года. — *Там же*. Л. 1.

⁸⁰ *Там же*. Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой, № 26485. Л. 1 об. Автограф. Судя по почтовым штемпелям на открытке, письмо отправлено не позднее 17 августа 1914 года и получено в Кочетах 3 сентября 1914 года. — *Там же*. Л. 1.

⁸¹ Письмо С.А. Толстой от 13 августа 1914 года с известием о смерти и похоронах М.С. Сухотина. — *ИРЛИ*, ф. 303, № 693. Л. 6-8 об.

⁸² С.А. Толстая крайне болезненно восприняла призыв М.Л. Толстого в конце июля 1914 года «в действующие полки, кавалерию». 29 июля 1914 года она с горечью заметила: «Сколько страданий — и все живешь и

довольный. Они отсюда идут в Новогеоргиевск⁸³ и дальше за границу в опасные места, хотя теперь везде опасно. И здесь может появиться, когда угодно, немец и по воздуху, и по земле и начать метать в нас бомбы. Надо надеяться, однако, что Варшаву отстоят⁸⁴.

У Миши в эскадроне всего 4 офицера. Лошадка у него довольно средняя. Я хотел удержать его завтракать, но они сразу ушли походом при мне.

Что-то будет дальше. Раненые, несмотря на <то, что они> изуродованные, необыкновенно бодрые. Среди них есть и жалкие немцы, солдаты и офицеры. У нас все госпитали полны, и нужда во всем. Солдаты лежат сутки с пулями в теле, и их некому оперировать. Прямо сюда везут с поля сражения на площадках вагонов, в теплушках, на досках и жидкой соломе. Тут же умершие по дороге. На станции прямо умирают, и их тут же исповедуют русские священники и ксензы. Сцены очень трогательные, сильные. Матери, жены встречают своих раненых, бросаются к ним и, если их нет среди них, приходят в отчаяние, — значит, убит. Многие сходят с ума здесь. Есть и офицеры. Толпы народа на улицах стоят и ждут раненых, бросают им всякую всячину в повозки. Вот Вам кратко, что тут делается. Гимназию, банк, фабрики обращают в госпиталь. Пока раненых здесь около 5-6 тысяч, а будет, вероятно, десятки тысяч.

Обнимаю Вас. Мало сплю. Встаем иногда в 5 часов, когда ждут поезда»⁸⁵.

Вскоре после того, как Л.Л. Толстой своими глазами увидел жертвы начавшейся войны, он отправил телеграмму в Петербург: «Жертвуйте, посылайте сюда халаты, туфли, вату, одеяла, деньги. Все нужно для ухода за ранеными»⁸⁶.

Те немногие дни, которые Л.Л. Толстой провел на театре военных действий, запечатлены в его очерках и рассказах. В них подкупает живая интонация, достоверность ситуаций, образов и картин⁸⁷. Позднее в книге «Опыт моей жизни» он писал:

«<...> В Варшаве я принимал поезда с ранеными, устраивал госпитали, ездил с поручениями в другие польские города и крепости, посещал раненых немцев, австрийцев и венгерцев в варшавской цитадели.

Картины того времени ярко запечатлелись в памяти. Вот один из многочисленных и длиннейших поездов с ранеными, прямо с поля сражения. Некоторые умерли по дороге, другие умирают. К ним спешат

все приходится переносить! Простилась сегодня с сыном Мишей, он идет на войну! Крепилась не плакать, а страшно тяжело. ...»
— См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 411. Курсив С.А. Толстой.

⁸³ Город в Елизаветинской губернии; одна из немногих крепостей, подготовленных к войне лучше других. В конце 1950-х гг., после сооружения Кременчугской ГЭС и водохранилища, территория затоплена, население эвакуировано.

⁸⁴ Реальная угроза взятия Варшавы существовала вплоть до середины октября 1914 года, когда русские войска после ряда поражений перешли в наступление и сорвали планы австрийского и германского командования.

⁸⁵ **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 14604. Л. 1-2 об. Автограф.

⁸⁶ См.: **Новое время.** СПб., 16 /29 августа 1914 года, № 13803, С. 2.

⁸⁷ См.: **Толстой Л.Л.** Раки // **Огонек.** СПб., 1914, № 16. С. 1-3; **Толстой Л.Л.** Склонность к меланхолии // **Весь мир.** СПб., 1914, № 18. С. 2-7; **Толстой Л.Л.** Жизнь и смерть // **Там же,** 1915, № 15. С. 2-4 (перепечатан в журнале «Алтын»). СПб., 1915, № 10. С. 2-4); **Толстой Л.Л.** На фоне войны: Рассказ // **Там же,** 1915, № 46. С. 2-8; **Толстой Л.Л.** Ванечка помог: Рассказ // **Там же,** 1916, № 11. С. 2-6; **Толстой Л.Л.** Если б вы знали: Рассказ // **Там же,** 1916, № 42. С. 2-3; **Толстой Л.Л.** Хоть бы в бою!..: Рассказ // **Огонек.** СПб., 6 /19 ноября 1916 года, № 45. С. 1-2 (перепечатан в журнале «Зерно»). СПб., 1 декабря 1916 года, № 5. С. 12-14) и др. Кроме того, в архиве Л.Л. Толстого сохранился ряд неопубликованных материалов, представляющих несомненный интерес.

священники различных вероисповеданий. Молодой немецкий авиатор, которого красивые польские сестры Красного Креста хотят поднять с носилок, вскакивает на одну ногу сам, держа другую, раздробленную ногу, в обеих руках, и сердито кричит: “Selbst, selbst!”⁸⁸

Другой, уже немолодой, желтолицый немецкий офицер с седой бородкой лежит на своих носилках и держит в костлявых руках пустую деревянную коробку из-под сигар, может быть, последний подарок любимой жены. Он смотрит на меня своими прекрасными, светлыми глазами и блаженно улыбается. Чему? Не время было спрашивать его о том, что происходит в его душе⁸⁹.

Позднее ночью обхожу один из наших больших госпиталей на тысячу раненых, помещавшийся в залах бывшего женского института. Многие тихо стонут, жалуются и просят помочь, но один кричит благим матом на весь госпиталь. Ему ампутировали ногу, и теперь, придя в сознание, он вопит: “Дайте ножик — я зарежусь! Дайте ножик — я зарежусь!”

А вот “больница”, отведенная для тяжелораненых немцев. Ни одного доктора, один только фельдшер на несколько сот человек. В отдельной небольшой комнатке, человек на восемь безнадежных, несколько человек умирают без всякой помощи. У одного весь живот раскрыт, и никто еще не помог ему.

На моем “мерседесе” и по спешному поручению я еду в крепость Ивангород⁹⁰, из которой бежит население.

Арбы, полные доверху еврейскими семействами, встречаются на пути. Красивые курчавые головки еврейских детей похожи на грозди черного винограда. Повозки сторонятся, но некоторые сваливаются в канавы.

Мы давим собак, отбрасываем с дороги телят и летим со скоростью 100 верст в час под угрозой австрийских патрулей, которые показываются вдали, но, к счастью, направляются в другую сторону.

А вот операция трепанации черепа в больнице. Вся верхняя часть головы спилена и лежит на столе, как чашечка. Доктор копается в мозгу и находит в нем кусочек иррапнели. Вот молодой немец, почти мальчик, ходит среди легко раненых. Русский казак шашкой рассек ему все лицо. Как ребенок, он плачет, когда русская сестра подходит к нему и по-немецки спрашивает, как он себя чувствует.

Я не был подготовлен к войне вместе со всем остальным русским народом, но после нашего постыдного поражения при Танне-*н*берге⁹¹, когда 150000 русских были окружены двойным кольцом Гинденбурга⁹² и треть из них была перебита, как телята, а две трети взяты в плен (только малая часть

⁸⁸ Сам, сам! (нем.)

⁸⁹ Эти встречи врезались в сознание Л.Л. Толстого. В 30-е годы он хотел предложить шведским читателям рассказ «Коробка сигар (Cisarglädan): Эпизод из мировой войны», в котором речь шла об армии генерала Самсонова (см. о нем ниже), раненном немце, кричавшем “Selbst! Selbst!”, и о коробке сигар в руках другого. — *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [21]. Л. 1-3. Автограф на швед. языке.

⁹⁰ Устаревшая крепость Ивангород на реке Висле в Люблинской губернии Царства Польского была опрометчиво упразднена в 1909 году. Однако в 1913 году царское правительство решило усилить крепость с тем, чтобы она могла — в случае войны — защитить переправу через Вислу и сохранить плацдарм на левом берегу реки.

⁹¹ В решающем сражении Великой войны 1409-1411 годов русско-польско-литовские войска 15 июля 1410 года в битве при Танненберге (Грюнвальде) буквально разгромили Тевтонский орден. Убито было сорок тысяч немцев, около 15-ти тысяч было взято в плен. После такого поражения Орден уже не смог оправиться и его агрессия на Восток была остановлена. — См.: *Коялович М.* Грюнвальденская битва 1410 года. СПб., 1885.

⁹² Вскоре после начала войны генерал от инфантерии в отставке Пауль Гинденбург (Hindenburg; 1847-1934) 22 августа 1914 года был назначен командующим 8-й армией на Восточном фронте; с ноября 1914 года он командовал всеми соединениями германской армии на Восточном фронте. Первоначально в его распоряжении было намного меньше солдат, чем в русской армии; однако русские были сильны действиями кавалерии, которая не могла развернуться в полную силу при Танненберге, а в артиллерии подавляющий перевес был у немцев. Именно поэтому

их добралась живая до Варшавы, те самые раненые, которых я принимал на вокзале и помещал в госпитали), — я понял, что для нас война была уже проиграна и вести ее дальше было бессмысленно.

Уже в Петербурге, уезжая на фронт, когда лично знакомый мне военный министр Сухомлинов⁹³ наивно заявил мне, что “мы будем воевать — с царем и молитвой”, — я почувствовал глубокий ужас перед тем, что нас ожидало.

Не вина была генерала Самсонова⁹⁴, что он был разбит, не заслуга Гинденбурга, — вина была в отсталости России, в ее гнилом обществе и диком народе, в ее допотопной религии, в ее допотопной мысли, в ее слабом царе, а главное, в ее политической незрелости и дурацком франко-русском союзе.

Нам предстояли бесконечные поражения, против которых спасения не было.

Когда позднее в Петербурге я говорил генералу Лукомскому⁹⁵, заведовавшему снабжением армий, что надо было спешить заказывать в Англии пушки, — он удивленно спросил меня: “Пушки? Вы думаете?”

Он, как и я, как и все, смотрел на эту войну безнадежно.

Вспоминаю эти шальные дни как тяжелый кошмар, от которого нельзя было проснуться и из которого не было выхода.

Трудно определить то хаотическое и отчаянное состояние души, в которое ввергла меня война. Что-то грубое, не похожее на меня, поднялось во мне: с одной стороны, безнадежность перед все уносившей бурей, с другой — чувство освобождения от всего условного, что связывало меня с другими. Всем и каждому все было “море по колено” — настроение, которое французы называют “*lâche tout*”⁹⁶. И чем чувствительнее были люди, тем сильнее это настроение овладевало ими.

По отношению к самой войне и <по поводу> моего дальнейшего участия в ней у меня, во-первых, было сознание бесполезности этого участия, так как если бы я даже бросился в самую ее бойню с дубинкой в руках вместо ружья, как это было с нашими солдатами на Карпатах⁹⁷, — это было бы безумием; во-вторых, я испытывал глубокое чувство оскорбления за то, что мое правительство ничего не сделало для отворачивания бедствия или для того, чтобы с достоинством встретить его, если оно было неотвратимо; в-третьих и в-главных, я видел полную бессмыслицу этой войны, безумие со всех точек зрения и потому участвовать в ней мне казалось унижительным.

26-30 августа 1914 года в этом местечке немецкие войска окружили и уничтожили пять дивизий русского центра, а остальных взяли в плен.

⁹³ Владимир Александрович Сухомлинов (1848-1926) был военным министром с марта 1909 по июнь 1915 года. За несколько месяцев до начала войны он убеждал российское общество в том, что армия была готова к вызову противника. Эту точку зрения он не изменил и позднее. — См.: **Сухомлинов В.** Воспоминания. Берлин, 1924. С. 286-299.

⁹⁴ Александр Васильевич Самсонов (1859-1914) командовал 2-й армией, которая и понесла самые большие потери в битве при Танненберге (см. выше примеч. 92). О его гибели в первые дни войны см.: **Жертвы войны // Новое время.** Пг., 20 августа /2 сентября 1914 года, № 13807. С. 1, 4.

⁹⁵ Генерал Александр Сергеевич Лукомский (1868-1939) четыре предвоенных года «был начальником мобилизационного отдела главного управления генерального штаба и руководил подготовкой к мобилизации всей армии». В начале войны он был назначен начальником канцелярии военного министерства. — См.: **Лукомский А.С.** Воспоминания: В 2-х томах. Берлин, 1922. Т. 1. С. 6.

⁹⁶ на все наплевать (фр.)

⁹⁷ О катастрофической нехватке снарядов и невозможности быстро наладить их производство в России см.: **Там же.** С. 56-59. См. также: **Ольденбург С.С.** Царствование Императора Николая II: В 2-х томах. М.: Феникс, 1992. Т. II. С. 160.

Может быть, я поступил нечестно, оставляя Красный Крест, — но мой разум подсказал мне сделать это, и я вернулся в Россию, надеясь помочь народу иначе внутри страны, прежде всего в продовольственном вопросе, который становился все более и более катастрофическим⁹⁸.

Запасы хлеба и провианта для армии и для народа таяли не по дням, а по часам, и я видел, что, если это будет продолжаться еще несколько месяцев, мы не только проиграем войну, но после нее не опомнимся в течение долгих лет.

В то время царь, по наущению Распутина⁹⁹, сам взял в руки командование армиями и поселился со своим штабом в городе Могилеве¹⁰⁰.

Вернувшись на несколько дней в Ясную, где в одиночестве жила моя мать со своей компаньонкой Ниночкой, дочерью местного священника, я проехал оттуда в Петербург, а из Петербурга к царю, чтобы объяснить ему, в каком положении находилось продовольственное дело с тогда назначенным правительством “твердыми ценами на хлеб” и что эта мера была не только недостаточной, но губительной, так как она не препятствовала вывозу и растрачиванию продовольственных запасов, на что прежде всего надо было обратить главное внимание¹⁰¹.

⁹⁸ Исключительно важная деталь, несмотря на то, что Л.Л. Толстой перенес события 1915-1916 годов на *осень 1914 года*. Он покинул Красный Крест еще в сентябре 1914 года. См. об этом ниже.

Месяц спустя появилось и официальное извещение. — См.: *Сложение полномочий графом Л.Л. Толстым //Новое время*. Пг., 16 /29 октября 1914 года, № 13864. С. 4.

⁹⁹ Л.Л. Толстой был убежден в том, что последний фаворит русской императорской семьи Григорий Ефимович Распутин (Новых; 1872-1916) должен быть навсегда удален. В книге «Опыт моей жизни» он упомянул об одном из своих писем царю, в котором он просил Николая II немедленно сделать это. — См.: *Толстой Л.Л. Опыт моей жизни...* Книга II. Глава 2.

Письмо это неизвестно.

¹⁰⁰ 22 августа 1915 года «Государь выехал в Ставку, которая незадолго перед тем была перенесена из Барановичей в Могилев-Губернский, чтобы принять на себя командование всеми вооруженными силами России». — См.: *Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II...* Т. II. С. 173.

¹⁰¹ Продовольственная проблема всерьез волновала Л.Л. Толстого в годы Первой мировой войны и он настоятельно рекомендовал правительству остановить бесконтрольный вывоз хлеба за границу.

«Когда война началась, народный голод у нас говорил: “У нас хлеб, у нас корень, соль жизни Европы. Мы ее кормим. Если она не получит нашего хлеба, она умрет с голода. Немец пойдет на нас. Мы можем и отступить. Но мы отступим к нашему хлебу. Немец же и от своего последнего хлеба отойдет и к нашему не дотянется”. В этой идее был залог нашей победы, что бы ни случилось.

В последние дни идет сплошной ропот и в обществе, и в народе по поводу того, что наш хлеб через Финляндию и Швецию идет в Германию и идет в таких громадных партиях, каких даже раньше в мирное время от нас не увозилось. ...

Я не знаю, можно ли контролировать [торговлю с нейтральной Швецией. — В.А.] или нет. Не знаю, можно ли стеснить торговлю. Но знаю и чувствую вместе со всем русским народом, что ни в каком случае немцам русского хлеба продавать нельзя, и знаю, что это должно прекратиться. ...

Мы не знаем, что готовит нам будущая зима. Так неужели непонятно, что важнее всего припасти на будущее то, без чего мы не проживем?

Хлеб, хлеб!» — См.: *Толстой Л.Л. Хлеб //Новое время*. Пг., 11 /24 февраля 1915 года, № 13980. С. 6.

Прошло полтора года, но положение с хлебом в воюющей России становилось все хуже. 6 сентября 1916 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «... Лева написал докладную записку государю и хочет ехать ее подавать: „О твердых ценах”». — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 437.

В архиве Л.Л. Толстого сохранился текст этого документа.

« Л.Л. Толстой

О твердых ценах, монополизации хлебной торговли и учреждении особого продовольственного ведомства
(Докладная записка)

Ваше Императорское Величество,

Твердые цены на хлеб — преступление по отношению к бедной части русского населения, крестьянства и рабочей массы.
<...> Непомерно высокие цены на хлеб есть прямое следствие преступной спекуляции.

Нужно было, следовательно, не санкционировать и утверждать таковое преступление, а преследовать его.

Это можно было сделать не утверждением повышенных твердых цен, а установлением цен минимальных.

Бедные крестьяне, которых большинство, все с Рождества покупают хлеб. Им придется платить за него высокую цену. За что? За то, что спекулянты подняли цены на хлеб, а правительство их утвердило. Эта мера уже сейчас вызывает крайнее неудовольствие в народе, среди которого я живу. Он весь поголовно убежден, что твердые цены созданы не для его блага, а для блага богатей, крупных землевладельцев и купцов. <...>

Помочь населению в продовольственном деле можно:

Надо было немедленно реквизировать весь хлеб по всей России и остановить его утечку за границу.

Страшно сказать, что в продолжение первых лет войны <каждый день> мимо моего дома на Таврической тянулись к Финляндскому вокзалу длиннейшие обозы с русским зерном, которое через Финляндию спокойно пересылалось в Германию.

В Могилеве царь не принял меня, ссылаясь на то, что у него не было времени, но просил передать ему мою записку¹⁰². Чтобы объявить об этом, ко мне в гостиницу приехал мой старый товарищ по Поливановской гимназии флигель-адъютант граф Дмитрий Шереметев¹⁰³ и с ним польский князь Замойский¹⁰⁴.

1) Строжайшим запрещением продажи хлеба выше известной минимальной для каждого района цены и абсолютным запрещением вывоза его за границу.

2) Установлением точных данных о запасах хлеба в государстве и о потребностях в нем не только до нового урожая, но и на будущий год, в случае неурожая, могущего быть роковым после войны.

3) Объединением продовольственного дела как для армии, так и для всего населения страны, в одном правительственном центре, в руках которого сосредоточилось бы все распоряжение наличным хлебом в государстве.

Вопрос этот огромной важности в наше время.

<...> Не может хлеб быть в свободном распоряжении паразитов, спекулянтов, думающих только о наживе. Хлеб в такие времена, как наше, должен быть в полном распоряжении мозга страны — правительства. Это стало явной государственной необходимостью. Только решительным разрубанием Гордиевых узлов можно выводить народную жизнь на новые светлые пути. Только мерами истинной справедливости. Богачи в большой мере несправедливо владеют своими богатствами. А спекулянты-торговцы абсолютно несправедливо наживают свои огромные барыши.

Царское Слово: “не быть водке!” — дало России неисчислимые блага.

Новое Царское Слово: “не быть спекуляции и безобразного мародерства тыла! Не быть ни для кого наживы на торговле хлебом и другими продуктами продовольствия, необходимыми для поддержания человеческих жизней!” — такое Слово сделало бы, не только в России, но на всей нашей планете, — чудеса, на вечные времена. <...>

Это пресечение возможно, в свою очередь, одним только путем: изъятием продовольственной торговли из частных рук и постепенной передачей ее правительству. Это нужно сделать без всяких стеснений и смягчений по отношению к людям, не имеющим никакого права распоряжаться своими нечистыми руками тем, что составляет главный нерв жизни народа и государства.

Вашего Императорского Величества верноподанный

Граф Лев Львович

Толстой».

— **ОРГМТ**. Архив Л.Л. Толстого, № 65. Л. 1-6. Черновой автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым.

¹⁰² В поздние годы жизни Л.Л. Толстой написал для шведских читателей воспоминания о встречах с русским царем, которые отличаются от публикации 1922 года. В частности, он рассказал об их последней встрече так: «... Последний раз я видел Государя по время мировой войны. ...Наша встреча произошла в вагоне на станции Могилев. ... Государь выглядел уставшим, озабоченным и нервным. Руководство фронтами требовало огромных усилий и заботы.

Увидев, что Государь больше озабочен состоянием сына, чем разговором со мной, я передал ему свою докладную и поспешил откланяться.

Это была моя последняя встреча с Николаем II.

Позже из Ясной Поляны я писал Государю и предлагал себя в его распоряжение. Государь соблаговолил, однако, не ответить на мое предложение». — См.: **Толстой Л.Л.** Мои встречи с Николаем II / [Перевод со швед. и коммент. Г.И. Мурыгина]. Новосибирск, 1997. С. 17-18. В Швеции эта брошюра вышла в 1941 году. См.: **Tolstoy Leo d[en] y[ungre]**. Mina minnen av Nikolas II // **Ord och Bild**: Särtryck. Stockholm, 1941. S. 169-176.

Публикатор этих воспоминаний Г.И. Мурыгин от себя добавил: «... Переводчиком установлено: “Докладная записка о монополизации хлебной торговли” Государю была вручена лично Л.Л. Толстым в октябре 1916 года». — **Толстой Л.Л.** Мои встречи с Николаем II... С. 18.

Однако в первой половине октября 1916 года Л.Л. Толстой был в Ясной Поляне. 19 октября 1916 года он уехал в Москву по личным делам. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 438.

В официальных документах Николая II и его ближайшего окружения нет сведений ни о докладной записке, ни о встрече Л.Л. Толстого с императором осенью 1916 года. Сохранилось лишь недатированное письмо Л.Л. Толстого Николаю II, в котором говорится о страстном желании помочь царю и готовности служить ему и России. Однако, на основании сопроводительного письма царю министра Императорского Двора графа В.Б. Фредерикса и ответа и.о. начальника канцелярии князя С.В. Гагарина Л.Л. Толстому, можно с уверенностью утверждать, что его последнее письмо Николаю II было отправлено из Ясной Поляны в конце июля 1916 года. — См.: «**Время идет интереснейшее...**» // **Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год...** С. 163-164.

¹⁰³ Граф Дмитрий Сергеевич *Шереметев* (1869-1943), полковник Кавалергардского полка, один из флигель-адъютантов императора Николая II. — См.: **Дневники императора Николая II...** С. 602; **Переписка Николая и Александры Романовых**: В 5-ти томах. М.; Пг.: ГИЗ, 1923. Т. III. С. 52, 143. См. также: **Шереметевы в судьбе России**: Воспоминания, дневники, письма. М.: Звонница, 2001. С. 324-331.

¹⁰⁴ Граф Адам Станиславович Замойский (1856-1917), корнет лейб-гвардии Уланского полка, адъютант великого князя Николая Николаевича Романова (1856-1929). После того как Николай II принял на себя обязанности

Разочарованный, я вернулся в Ясную, где в ее тишине начал писать поэму, главными мужскими лицами которой я представлял себя, отца и брата Андрея. Не знаю, цела ли в Яснополянской библиотеке эта рукопись¹⁰⁵.

Наступила холодная зима и, несмотря на войну, в тишине и покое с моей любимой, теперь кроткой старушкой-матерью, по-прежнему целые дни работавшей, я временно почувствовал душевное умиротворение:

*Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв, —
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв¹⁰⁶.*

Я читал моих любимых писателей: Пушкина, Мопассана¹⁰⁷ и Диккенса¹⁰⁸, лепил голову хорошенькой, курносой Ниночки¹⁰⁹, в лунные ночи ездил с ней на станцию за почтой, играл на фортепьяно, сочиняя мелодии, писал мою поэму, с волнением следя за войной¹¹⁰.

Я добровольно поехал на нее, как и добровольно оставил, и вдруг странное, невероятно сильное желание жить и жить совсем иначе, чем я жил раньше, овладело моим существом. Неудержимая жажда новой счастливой жизни <нахлынула на меня с такой силой>, что как-то вечером, когда я был один в моей комнате, <глубокая страсть> к Жизель внезапно охватила мою душу. Тогда я сел к столу и написал ей горячее, страстное, короткое письмо, в котором еще раз повторил, что я любил и буду любить до конца жизни ее, ее одну. Дойдет или не дойдет до нее это письмо, — все равно на душе у меня стало легче. <...>»¹¹¹

* * *

Итак, 17 сентября 1914 года, в день именин матери, в Ясную Поляну пришло множество телеграмм, в том числе и та, которую в ежедневнике выделила С.А. Толстая, «с известием о приезде Левы сегодня ночью»¹¹².

Верховного командующего русской армией, граф А.С. Замойский постоянно находился в Ставке при нем. — См.: *Переписка Николая и Александры Романовых...* Т. IV. С. 99; Т. V. С. 103.

¹⁰⁵ Рукопись поэмы Л.Л. Толстого не сохранилась.

¹⁰⁶ Заключительные строки стихотворения А.С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828). — См.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16-ти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. III/1. С. 142.

¹⁰⁷ Об интересе Л.Л. Толстого еще в студенческие годы к творчеству французского писателя Ги де Мопассана (Maupassant; 1850-1893) см. дневниковую запись от 28 декабря 1890 года: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 209.

¹⁰⁸ Это первое упоминание английского классика Чарльза Диккенса (Dickens; 1812-1870) в мемуарах Л.Л. Толстого. Какие именно произведения Диккенса он любил, установить не удалось.

¹⁰⁹ Речь идет о 19-летней А.И. Кудрявцевой. См. о ней выше примеч. 73.

¹¹⁰ На самом деле в Ясной Поляне в тот приезд Л.Л. Толстой пробыл недолго. Ему срочно нужны были деньги, но общее состояние С.А. Толстой было таковым, что Л.Л. Толстой не смог сказать ей об истинной цели своего неожиданного приезда. См. об этом ниже.

¹¹¹ См.: *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни... Книга II. Глава 8. Машинопись с авторской правкой. — *ОР ГМТ.* Архив Л.Л. Толстого.

¹¹² См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 414.

Такого поворота событий никто не ожидал. Только два дня тому назад, — судя по почтовому штемпелю получателя, — С.А. Толстая читала письмо сына, датированное 9 сентября 1914 года, на бланке и с клише Уполномоченного Российского общества Красного Креста действующей армии. В нем ничего не предвещало скорого возвращения Л.Л. Толстого домой:

«Дорогая мамá, пишу из Белостока, куда приехал по делам. Давно уже нет известий о Вас. Надеюсь по возвращении на днях в Варшаву найти там письма от Вас и Доры, о которой давно не слышал. Здесь пока затишье, но у нас зато работа идет вовсю. Питательные пункты, лазареты, госпиталя — все это готовится заранее.

Много езжу и все на автомобилях. Вижу многое, но боюсь писать, чтобы письмо это не застряло по дороге. Итак, обнимаю и клянюсь.

Ваш Лев»¹¹³.

О причинах отъезда Л.Л. Толстого домой точно не известно, но вот дневниковая запись, которая в какой-то степени передает его настроение:

«

Белосток

Сегодня 10 сентября 1914 г<ода>. Война. В душе застой. Дело нужное, доброе, но мало его в минуты перерывов военных действий, и это положение угнетает. То же самое, вероятно, испытывают те военные, кот<орые> идут воевать. Эти периоды необходимы, но они тем тяжелее, чем дольше, как духота перед грозой. Сама гроза ужасна, и не быть в ней стыдно. Сама война что-то непостижимое, противоестественное, дикое. Дух, ум, разум изгнаны. Материя, тело одно царствует и бросается на смерть против другого, чтобы его уничтожить. Но если ум, дух в людях один, то где он теперь?! Почему не слышно его голоса? Потому что тело сильнее, тело одно существует и в нем то, что мы называем одним, или внешним, разумом, как хотите. Где же он, если его не слышно? Совсем его нет? Он есть, но он молчит, он бессилен перед требованиями тела. Внутренний протест каждого против войны, внутренний ужас перед ней — существенное доказательство, что дух все же существует. Что бы сказал себе я сегодня, если говорить правду, одну правду? Я скажу, что, если война — ужас, если ее не должно быть, надо делать все для ее уничтожения. Надо возмущаться ею, надо не участвовать в ней, надо искать способов для ее <прекращения...>»¹¹⁴

На самом деле, нескольких недель пребывания в прифронтовой полосе хватило для того, чтобы Л.Л. Толстой на какое-то время смог стать почти пацифистом¹¹⁵. Человек крайностей, он и в этом вопросе не знал золотой середины.

Однако была и другая причина, заставившая Л.Л. Толстого броситься в Ясную Поляну. Он не смог о ней прямо сказать и без того измученной С.А. Толстой, но по возвращению в

¹¹³ ОРГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14605. Л. 1-3 об. Автограф.

¹¹⁴ ИРЛИ, ф. 303. Л. 1. Автограф. Запись не окончена.

¹¹⁵ В его архиве сохранились наброски публицистических статей, название которых говорит об изменившемся отношении к войне: «Мысли о войне»; «Сознание есть любовь (Ряд кратких мыслей для самого себя и других людей, ищущих истину)»; и др. — ОРГМТ. Архив Л.Л. Толстого, № 65. Л. 1-2 об.; № 72. Л. 1-4. Черновой автограф.

См. также: «Конец войнам (Как и когда прекратятся войны)». — ИРЛИ, ф. 303, № 60. Л. 1-9. Черновой автограф.

Петроград¹¹⁶ 21 сентября 1914 года Л.Л. Толстой отправил ей отчаянное письмо с мольбой о помощи. Общая сумма долгов, накопившихся от проигрышей в карты, достигла семи тысяч рублей¹¹⁷.

Как ни любила С.А. Толстая сына, на этот раз она рассердилась. Ей и раньше было «неприятно это вечное вымогательство денег» со стороны Льва и Андрея¹¹⁸. Она отправила резкое письмо в Петроград, которое не сохранилось, но из ответа Л.Л. Толстого можно представить себе его тональность. 29 сентября 1914 года он так начал свое письмо в Ясную Поляну:

«Вы ошибаетесь, дорогая мамá, и напрасно подозреваете меня во лжи. Я почти никогда не лгу, а Вам солгать я никогда бы не мог. То, что я написал Вам, вся правда. Играть я больше никогда не буду и вот теперь не был ни разу ни в клубах ни в Москве, ни здесь, хотя бы мог. Бумаги мои все заложены в здешнем купеческом банке. Закладные бумаги у меня. Если дадите Андрюше деньги, то он может выкупить бумаги и даже взять их на руки, если уж до того дошло, что мне верить нельзя. Бумаги заложены в 5000 руб<лей>. Частных долгов 2000 <рублей>. Из них тысячу надо заплатить сейчас, и это тоже мог бы сделать Андрюша, если Вы мне больше не верите. Я укажу ему, куда внести. Тысячу рублей я заплачу в марте из лесных¹¹⁹. Конечно, я не приеду к Вам и предпочту избавить Вас надолго от моего скверного присутствия, чем мучить Вас.

Очень прошу Вас дать шесть тысяч, чтобы я мог успокоиться, и именно больше для семьи, а не для меня.

Дора телеграфировала, что не хочет посылать мальчиков одних, боясь опасной и трудной дороги для них. Выедет около 10-го октября. Я должен сидеть здесь и ждать. Стараюсь заниматься, дописывать начатую повесть¹²⁰ и писать в газетах¹²¹. Стараюсь изменить образ жизни, вставать раньше и ложиться. Стараюсь вообще обновить жизнь и себя. На войну ехать опять хотел бы, но еще не могу решить. Повторяю, что мое семейное положение — с тяготением Доры в Швецию, с ее крайней неумелостью жить и планировать жизнь в России — мне очень тяжело, и это главная причина моих несчастий. Одному жить не весело, бороться всегда с Дорой трудно, а дома в семье заниматься среди шума и суеты невозможно.

Служба?! Это легко сказать. Искал в прошлом году, но никто ничего дать не хочет. Буду смотреть еще.

¹¹⁶ 18 августа 1914 года Николай II повелел именовать впредь город Санкт-Петербург Петроградом. — См.: *Переименование Петербурга // Новое время*. СПб., 19 августа /1 сентября 1914 года, № 13806. С. 3.

¹¹⁷ См. письмо Л.Л. Толстого матери от 21 сентября 1914 года: *Сын и отец... // Лица...* Т. 4. С. 188-189.

¹¹⁸ См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 347.

¹¹⁹ Т.е. деньги, получаемые от продажи леса и разделенные между детьми и С.А. Толстой.

¹²⁰ Повесть вскоре была опубликована. — См.: *Толстой Л.Л. Мы проснемся: Повесть из современной жизни // Вестник Европы*. Пг., 1916, №№ 3-5.

¹²¹ Днем раньше появился первый фрагмент большого цикла очерков о войне, участником которой был автор. — См.: *Толстой Л.Л. Картинки великого времени // Новое время*. Пг., 28 сентября /11 октября 1914 года, № 13846. С. 6. Остальные очерки печатались под другим названием. — См.: *Толстой Л.Л. Картинки военного времени // Там же*, 1 /14 октября 1914 года, № 13849. С. 5; 3 /16 октября 1914 года, № 13851. С. 6; 5 /18 октября 1914 года, № 13853. С. 5; 6 /19 октября 1914 года, № 13854. С. 4; 14 /27 октября 1914 года, № 13862. С. 6; 27 октября /9 ноября 1914 года, № 13875. С. 4. Курсив мой. — В.А.

Если Вы не хотите дать Андрюше деньги, то можете послать пять тысяч прямо на имя Петроградского отделения Московского Купеческого банка, Невский, свой дом, на предмет выкупа заложенных в этом отделении <ных> бумаг <афа> Л.Л. Толстого с просьбой немедленно уведомить меня о получении банком этих денег. Тысячу рублей пришлите Андрюше или дайте той же милой тетеньке¹²². Вчера у меня был сам дядя Саша¹²³. Вот и все. Простите еще раз.

Лева.

Если приедет татарин за моей лошадыю, пожалуйста, отправьте ее сюда. Я хочу ее продать. 29 сент<ября 19>14 <ода>. Петроград»¹²⁴.

4 октября 1914 года С.А. Толстая перевела сыну 1000 рублей¹²⁵. Остальные деньги она передала с младшим сыном Андреем, приехавшим в Петроград 6 октября 1914 года. И хотя в тот же день Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну письмо с благодарностью за помощь и в который раз пообещал матери, что подобная ситуация не повторится больше никогда¹²⁶, он явно лукавил.

Отныне игра стала его болезнью, излечиться от которой он не смог до конца жизни. Не помогло ни возвращение семьи в Петроград¹²⁷, ни занятия литературой, ни бегство в Ясную Поляну в декабре 1914 года¹²⁸. Он сорвался уже весной 1915 года¹²⁹. На этот раз затяжное падение закончилось разрывом с семьей. Не помогло и длительное пребывание в Швеции¹³⁰, которую он покинул, не дождавшись рождения дочери¹³¹.

После возвращения Д.Ф. Толстой с новорожденной Дашей и остальными детьми в Петроград, Л.Л. Толстой решил уйти из семьи. 22 декабря 1915 года он был уже в Ясной Поляне. В ежедневнике С.А. Толстой в этот день появилась запись, которая объясняет причины такого

¹²² Татьяна Андреевна Кузминская (урожд. Берс; 1846-1925) должна была на днях возвращаться из Ясной Поляны в Петроград.

¹²³ Опытный юрист, служивший по судебному ведомству, сенатор Александр Михайлович Кузминский (1843-1917), крайне редко вмешивавшийся в семейные неурядицы, на этот раз лично решил разобраться в критической ситуации, возникшей по вине Л.Л. Толстого.

¹²⁴ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14607. Л. 1-2 об. Автограф. Подчеркнуто *Л.Л. Толстым*.

¹²⁵ См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 415.

¹²⁶ *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14608. Л. 1 об. Автограф.

¹²⁷ 15 октября 1914 года Л.Л. Толстой сообщил матери о возвращении Д.Ф. Толстой с детьми из Швеции. — *Там же*, № 14609. Л. 1-2 об.

¹²⁸ Л.Л. Толстой приехал в Ясную Поляну 20 декабря 1914 года. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 419.

¹²⁹ Подробнее об этом периоде его жизни см.: *Сын и отец... //Лица...* Т. 4. С. 247-253.

¹³⁰ Он уехал в конце мая, через несколько дней после своего невеселого 46-го дня рождения и вернулся в Петроград 10 сентября 1915 года. — *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, №№ 14616-14622.

¹³¹ Формальным поводом для отъезда Л.Л. Толстого в Петроград было начало учебного года в Училище правоведения, в котором с весны 1915 года учились оба его старших сына. — См.: «*Время идет интереснейшее...*» // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год...* С. 161-162.

Дарья Львовна Толстая родилась в Хальмбюуде 2 ноября 1915 года.

поворота событий: «Рано утром приехал сын Лева. Сам себя бичует за игру и беспорядочную жизнь. От этого не легче! А сколько в нем хороших задатков! ...»¹³²

Так неразделенная любовь к Жизель или «милрой Франции» привела Л.Л. Толстого к игорному столу в клубе Литературно-Художественного общества, к разорению, разрыву семейных уз и одиночеству...

На какое-то время наступило отрезвление, вызванное неожиданной смертью младшего брата Андрея¹³³. По возвращению в Ясную Поляну он затосковал, заметался — и вскоре, очертя голову, бросился в новую страсть, надеясь клин выбить клином. В книге воспоминаний «Опыт моей жизни» он позднее писал:

«<...> С того дня, как Дора с детьми оставила меня¹³⁴, я невольно охладил к ней и в моем одиночестве невольно теперь почувствовал себя свободным, каким я не был никогда прежде, хотя я сам этой свободы не искал. Мне казалось, что связь моя с семьей, может быть, навсегда порвалась. Если жена бросила меня и Россию в такие времена, несмотря на мои просьбы не делать этого, если она не поняла тех чувств, которые война разбудила во мне, она не только перестала быть в моих глазах той женой, какой должна была быть, но совершенно охладила мое чувство к ней. Я не осуждаю ее. Я понимаю те чувства и инстинкты, которые заставили ее вернуться в Швецию, главное, для детей, но все же я не мог спокойно и доброжелательно отнестись к ее поступку.

Летом 1915 года я недолго¹³⁵ гостил в последний раз в Halmbyboda, но ничего не помню об этом времени, так напряженно я жил моей личной русской жизнью и интересами¹³⁶. Но на лето 1916 года я

¹³² См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 430.

¹³³ 11 февраля 1916 года в Ясной Поляне узнали о болезни Андрея. Через несколько дней, 17 февраля 1916 года Л.Л. Толстой с матерью выехали в Петроград, а в ночь на 24 февраля 1916 года А.Л. Толстой скончался. — Там же. С. 431-433

¹³⁴ Д.Ф. Толстая с детьми уже в середине октября 1914 года возвратилась в Петроград. См. об этом выше примеч. 127.

¹³⁵ Сбой памяти: на самом деле Л.Л. Толстой провел в Хальмбюуде три с половиной месяца. См. об этом выше примеч. 130.

¹³⁶ Сохранилось пять писем Л.Л. Толстого домой из Швеции, которые дают представление о состоянии 46-летнего сына. Приведу — в качестве примера — второе письмо, написанное недели через две после приезда в Хальмбюуду.

«Милая мамá, получил Ваше очень хорошее письмо и мне стало легче на душе. Во-1-х, Вы так добро пишете, а во-2-х, подробно обо всем. Я все ждал Вашего письма и потому сам не писал, тем более, что все у нас пока слава Богу. Лето прекрасное началось, стало тепло, немножко купаемся в эдеишем rörte и каждый занят своим. Дора успокоилась немного после кошмарной зимы, хотя вид у нее неважный и носит тяжело. Дети старшие увлекаются велосипедами, у всех 4-х есть, даже у Нины; младшие играют в маленьком домике, который выстроен для детей в саду, ходят гулять. Ягод еще никаких нет, первая земляника поспела вчера. Я сплю с Палей и Никитой, рядом две девочки со шведкой, дальше Дора с Таней, которой прививали оспу и она сильно привилась; наверху спит Екат<ерина> Ив<ановна> с Федей и Петей. Народу полон дом и старушке-теще достается. Сестра Доры с мужем тоже здесь и на днях будет ее сын, уже учитель гимназии Эрнст. Сам доктор в горах! Будет на днях, но опять уедет на свою родину лечить там свои ревматизмы морскими горячими ваннами.

Я занимаюсь днем во флигеле, откуда и пишу Вам. Хорошенькая комнатка <с окнами> в сад. Перед окнами целый день поют птицы и целое множество скворешников с семьями, молодые уже вылетели. Пишу много и для себя интересно. Готовлю пьесу. Трудно очень писать в такие времена. Написал отвлеченное сочинение о жизни вообще и много <для> себя выяснил. По вечерам у нас перед сном хорошие разговоры с Палей и Никитой. Они умные мальчики и каждый по-своему умен и способен, только характеры разные. У Никиты есть способность сдерживать мысль и остановиться на чем-нибудь. Паля, как я, более увлекающийся, но зато и более гибкий.

Я стараюсь забыть свою жизнь, ошибки и грехи, но все еще они близко, и нужно время, чтобы их загладить. Печальны, конечно, результаты и в будущем они будут всегда чувствительны. Это самое тяжелое.

Надеюсь, что все же будет лучше во всех случаях, чем было, а если будет лучше, то будет уже терпимо.

Посылаю Вам письмо одной дамы, которая просит послать ей 400 руб<лей>, которые я должен ее знакомому. Он просит меня в письме отдать деньги этой даме. Это тот долг, о котором я писал Вам, в 500 рублей и который я не знал, как отдать, так как этот господин был на войне. Сто рублей я отдал ему тем, что заплатил один его долг, о чем он меня просил. Осталось 400 р<ублей>. Не имея сейчас ни копейки, я ответил даме, что, к сожалению, сейчас отдать ей долга не могу. Может быть, Вы могли бы

остался в Ясной¹³⁷, думая, что моей матери будет со мной не так одиноко и что сам я, подле нее, буду спокойнее. Деревенская тихая жизнь Ясной меня привлекала как спасение от бушевавшей кругом бури.

По временам я ездил из Ясной в Москву и Тулу и, к стыду моему, не раз предавался моей страсти – игре, без которой, казалось мне, я не мог тогда жить. Мне нужно было временами это сильное возбуждение, чтобы не думать о моей жизни и моей любви и в чаду азарта забываться и утомляться до последней крайности¹³⁸.

Однажды осенью, вернувшись из Тулы, где в “Петербургской”¹³⁹ гостинице я сражался в “железку”¹⁴⁰, я вбежал в яснополянскую залу, в которой все уже сидели за обедом. И неожиданно, точно в первый раз в жизни я испытывал это впечатление, был до такой степени поражен красотой молодой женщины, сидевшей за столом между двумя детьми, — моим племянником Володей и племянницей Сашей¹⁴¹, детьми брата Миши, приехавшими погостить у бабушки в Ясной, — что не мог отдать себе отчета, что эта встреча так взволновала меня.

послать ей от моего имени хоть 200 рублей? Остальные я отдам ей зимой, и это будет мой последний долг. Если не можете, оставьте это дело, как есть, и *n'en parlons plus*... Не хотел даже писать об этом, но этот Сперанский бедный человек и стыдно перед ним. Эти деньги я взял у него в Москве прошлой зимой взаймы, в разгар моих увлечений.

Здесь относятся к России хорошо и народ слишком передовой, чтобы желать войны.
Целую Вас и Таню, и Танечку, если они с Вами.

Лева».

— **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 14618. Л. 1-2 об. Автограф. По почтовому штемпелю отправителя письмо датируется началом июля по новому стилю: «Uppsala 6.VII.15». — **Там же.** Л. 3.

...получил Ваше очень хорошее письмо... — письмо не сохранилось.

...rörte... — (финская) курная изба (швед.).

...носит тяжело ... — 2 ноября 1915 года родилась дочь Дарья. См. выше примеч. 131.

...у всех 4-х... — т.е., у Павла, Никиты, Петра и Нины.

...две девочки... — Нина и Соня.

...Екат<ерина> Ив<ановна>... — няня младших сыновей Толстых.

... Сестра Доры с мужем... — Матильда Вестерлунд (Selmer; 1868-1954) и норвежский журналист Мариус Сельмер (Selmer; 1860-1931).

...Эрнст (Selmer; 1890-1971) — их сын, племянник Л.Л. Толстого.

...письмо одной дамы... — письмо не сохранилось.

...*n'en parlons plus*... — и не будем больше говорить об этом (фр.).

...этот Сперанский бедный человек... — возможно, речь идет о служащем Московской городской сберегательной кассы Сергее Михайловиче Сперанском. — См.: **Вся Москва...** на 1915 год... Ч. III. С. 477.

...если они с Вами... — в Ясную Поляну Т.Л. Сухотина-Толстая с дочерью приехали в начале июля 1915 года. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 425.

¹³⁷ См. запись старшей сестры Л.Л. Толстого от 6 марта 1916 года: «... Грустно у нас в Ясной Поляне... Лева уехал от семьи. Говорит, что совсем. Дора, по его словам, ему чужая. А она, бедная, любит его. ... А ему, как он говорит, каждый человек в клубе ближе, чем она. Какой трагизм! ...» — См.: **Сухотина-Толстая Т.Л.** Дневник... С. 479.

¹³⁸ О состоянии Л.Л. Толстого в такие моменты можно судить на основании записи С.А. Толстой от 14 августа 1916 года: «На Леву напала тревога и желание ездить, и он уехал в Таптыково. И жаль его, и страшна его неуравновешенность. ...» — **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 437.

¹³⁹ Гостиница «Петербургская» на 20 номеров на Посольской улице считалась одной из самых больших гостиниц в Туле. — См.: **Памятная книжка Тульской губернии на 1910 год.** Тула, 1910. Отд. III. С. 82.

¹⁴⁰ Речь идет об одной из разновидностей старинной европейской азартной карточной игры. В России ее периодически запрещали именно из-за азартности. — См.: **Словарь современного русского литературного языка:** В 17-ти томах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 4. Стб. 57; **Гиляровский В.А.** Москва и москвичи. Иркутск, 1986. С. 207.

В ней разыгрывались самые большие деньги. Кроме того, благодаря аристократическому происхождению, игра сохранила свой особый ритуал, чопорность и манерность, которые так импонируют настоящим игрокам. Игра требует хладнокровия и сосредоточенности, то есть тех качеств, которыми Л.Л. Толстой не обладал. — См.: **Шевцов В.В.** Карточная игра в России (конец XVI — начало XX в.): История игры и история общества. Томск, 2005. С. 226-227.

¹⁴¹ Близнецы Александра и Владимир Михайловичи Толстые родились 11 декабря 1905 года.

Бледная, с черными, почти синими волосами, высокая и стройная, с большими, орлиными глазами и веселой, живой улыбкой на губах, Madeleine привлекла меня с первого взгляда. Она понравилась мне совершенно иначе, чем Жизель. Та заинтересовала меня своей серьезностью и умом. Эта — своей красотой и веселым, простым нравом. Французенка из Dauphiné¹⁴², она несколько лет уже была гувернанткой в России.

Если бы не война, если бы не мое одиночество, если бы не случайности, если бы я был сильнее духом и слабее телом, <если бы> я не был в самом сложном и трудном возрасте жизни — мне было 47 лет, — я бы <не> обратил на Madeleine никакого особенного внимания. Но вследствие множества факторов и причин, действовавших как с моей, так и с ее стороны, в первый же вечер, когда дети легли спать и мы остались одни, я разговорился с ней, и она рассказала мне свою жизнь. На другой день мы ходили вместе с ней и детьми по голым осенним полям, разговаривая, как старые друзья, и уже в этот день мы как-то невольно и естественно были физически привлечены друг к другу, хотя и очень невинно.

Гуляя, мы подошли к опушке леса Засеки, где стоял большой стог сена. Под стогом был сделан пролет для воздуха в виде коридора. Дети полезли в него, чтобы проползти вдоль до другого выхода. Я нагнулся, чтобы взглянуть на них, и Madeleine сделала то же. Случайно в эту секунду наши лица встретились совсем близко, и наши губы коснулись друг друга. Все это случайно, хотя причина лежала глубже. Одно и то же желание, одно и то же одиночество сблизили нас.

Весь вечер этого дня до поздней ночи я просидел в комнате Madeleine, и мы говорили, говорили без конца обо всем и о том, как хорошо было бы уехать вместе куда-нибудь далеко, в Индию, например, или в Китай и скрыться, надолго спрятаться от ужасов России и Европы. Madeleine стала нравиться мне все больше не только своей наружностью, но и характером. Она рассказала мне, между прочим, что одним из ее близких предков был знаменитый фран<цузский> художник наполеоновской эпохи¹⁴³, что у нее были старые родители, сестра и брат¹⁴⁴.

¹⁴² Дофинэ (Dauphiné) — историческая область на юго-востоке Франции.

¹⁴³ Речь идет об Антуане Жане Гро (Gros; 1777-1835), авторе многих исторических полотен, которого называют живописцем империи. Одна из его самых известных работ — роспись огромного плафона в Пантеоне, поражающая грандиозностью композиции, замечательной правильностью рисунка и прекрасному колориту. Художник получил заказ в 1812 году от Наполеона, а завершил работу в 1825, получив от новых правителей не только денежное вознаграждение, но и титул барона.

Однако последнее десятилетие оказалось для живописца не столь успешным. А.Ж. Гро пережил свою славу и, не смирившись с этим, кончил жизнь самоубийством.

¹⁴⁴ Достоверных сведений о Мадлен Гро найти не удалось. Встреча Л.Л. Толстого с ней, по всей видимости, произошла в начале сентября 1916 года. Незадолго до этого жена М.Л. Толстого, Александра Владимировна Толстая (урожд. Глебова; 1880-1967) в конце августа 1916 года отправила С.А. Толстой из своего имения Чифировка следующее письмо:

«Милая Мама<,>
напишите мне<,> пожалуйста<,> не будет ли Вам неудобно, если трое, а м<ожет> б<ыть> двое из моих детей с французенкой приедут к Вам в Ясную в начале сент<ября> на неделю или 10 дней, — дети Володя<,> Саша и Петя, а м<ожет> б<ыть> только Саша и Петя. Франц<уженка> М^{ле} очень милая<,> она у нас уже год<,> дети ее очень любят. Их можно поместить всех <в комнату> под своды, если там не сыро<,> или м<ожет> б<ыть> Таня поместит у себя <во флигеле> двоих. Им очень хочется побывать в Ясной и мне это будет очень удобно, т<а>к к<а>к перевозить всех сразу в Москву немисливо. Мест в поездах нет и я буду перевозить детей частями через Тулу.

<Володя> говорит, что ему очень хочется в Ясную<...>» — **ОР ГМТ**. Архив С.А. Толстой, № 12360. Л. 1-2. Автограф. Судя по почтовому штемпелю адресата, письмо получено в Ясной Поляне не ранее 1 сентября 1916 года. — **Там же**. Л. 3 об.

...Петя... — Петр Михайлович Толстой, младший брат А.М. и В.М. Толстых, родился 15 октября 1907 года.

...Таня... — Т.Л. Сухотина-Толстая.

Из Ясной Поляны дети уехали в конце сентября 1916 года. 21 сентября 1916 года А.В. Толстая написала С.А. Толстой о том, что ремонт в их московской квартире завершается. «<...> Как только все устроится, приеду за детьми.

В одинаково приподнятом, неуравновешенном, повышенном настроении, не зная, что будет с нами завтра, и вместе с тем стремясь к более счастливой новой жизни, мы без слов понимали друг друга.

— Что если мы уедем вместе, я буду всюду читать лекции, а вы будете моей секретаршей, — говорил я ей полушутя, полусерьезно, — через Сибирь мы проедем сначала в Японию, потом в Китай, в Австр<алию>, в Индию. Потом мы проедем в Америку и вернемся богатые во Францию, когда война будет кончена.

Madeleine слушала меня, весело блестя своими большими глазами и улыбаясь. Чем больше мы болтали, тем <больше> наши мечты стали казаться нам возможными осуществить.

Не буду подробно описывать, как две недели спустя я оставил старую мать, которая провожала меня на лестнице яснополянского дома и с грустью сказала мне, что мы никогда больше не увидимся¹⁴⁵. Не

<...>» — *Там же*, № 12361. Л. 1 об. Автограф. См. также: *Толстой С.М.* Древо жизни: Толстой и Толстые. М.: Слово, 2002. С. 296-297, 383.

¹⁴⁵ В памяти Л.Л. Толстого два отъезда из Ясной Поляны слились в одно. На самом деле события развивались так. В первый раз Л.Л. Толстой покинул Ясную Поляну в середине октября 1916 года. В одном из писем 16 октября 1916 года С.А. Толстая объясняла ситуацию так: «... Лева прожил в Ясной Поляне 11 месяцев, с ним мы ездили только хоронить Андрюшу, а семью свою он на это время оставил. Теперь он уехал в Москву, и разлука с ним мне была очень тяжела. Задумал он тоже ехать читать лекции на английском языке в Китай, Японию, Индию, лекции об отце и лекцию об отвлеченных, философских вопросах человеческой жизни. Боюсь, что это не будет иметь успеха; но удержать его было бы совершенно невозможно; он несчастлив, потерял смысл жизни, нарушил отношение к семье и бежит... Но бежит сам от себя, а это невозможно; от себя не убежишь.

Жить с ним было очень приятно; у него прекрасный характер; он много играл, читал, иногда нам вслух писал, гулял и ездил верхом на Делире. Скуки не показывал, а, видимо, страдал. ...» — Цит. по кн.: *Толстой И.* Свет Ясной Поляны. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 264.

... Делир... — любимая лошадь Л.Н. Толстого.

19 октября 1916 года С.А. Толстая для себя уточнила: «Уехал Лева в Москву, и без него стало грустно и пусто, хотя он своим настроением измучил мое сердце». — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 438.

Из Москвы Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну две почтовых карточки. Обычно такой откровенный в переписке с матерью, он был на этот раз весьма лаконичен. Из обоих коротких писем складывается впечатление, что Л.Л. Толстой что-то не договаривает.

I

«Милая мамá, я остановился в гостинице «Пассаж», Тверская, угол Долгоруковского <переулка>. Пишу из комнаты Булгакова в Музее. Доехал хорошо. Пока ничего определенно нового нет. Еще не видел тех, кого хотел. Останусь до будущей недели. Целую вас всех.

Л<ева>.

21 окт<ября 19>16 г<ода>.

Москва». — *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 14626. Л. 1. Автограф.

...из комнаты Булгакова в Музее... — с марта 1916 года В.Ф. Булгаков работал в Толстовском музее в должности помощника хранителя. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 433, 586.

II

«

25 октября 1916 года

Москва

Милая мамá, вероятно, мне придется здесь задержаться по делам. У меня прекрасная комната, сравнительно не дорого, в гостинице «Пассаж» (Тверская) и я чувствую себя сносно. Илья едет в Америку. Вчера обедал с ним. Кое-кого видаю, конечно. Чудная погода. Попросите Таню, если не будет до ее отъезда сюда отмены этой просьбы, привезти сюда с собой мои письма. От кого что есть? Надеюсь, что Вы здоровы. Целую и до свидания. Варю милую обнимаю, Тань обеих и Душана. В Музее был. Булгаков много сделал.

Лева».

— *ОР ГМТ.* Архив С.А. Толстой, № 14627. Л. 1 об. Автограф.

... Илья едет в Америку... — И.Л. Толстой уехал в Америку читать лекции об отце. — См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 440.

... Попросите Таню ... привезти сюда с собой мои письма... — вероятно, речь идет о письмах, пришедших в Ясную Поляну на имя Л.Л. Толстого. Он знал, что Т.Л. Сухотина-Толстая в первых числах ноября должна была приехать в Москву для подготовки музыкального вечера в память Л.Н. Толстого, который состоялся 7 ноября 1916 года в Политехническом музее. Однако Л.Л. Толстой вернулся в Ясную Поляну раньше. — *Там же.* С. 439, 589.

...Варю... — речь идет о племяннице Л.Н. Толстого Варваре Валерьяновне Нагорновой (урожд. Толстая; 1850-1921).

...Тань обеих... — Т.Л. Сухотину-Толстую и Т.М. Сухотину.

...Душана... — Д.П. Маковицкого.

буду рассказывать, как я выиграл в карты большую сумму и потом часть ее проиграл¹⁴⁶. Тимофей¹⁴⁷ отвез меня в Тулу на станцию и, прощаясь, с грустью проговорил:

— Один граф оставался у нас, и тот уезжает.

Наконец, в декабре, проехав всю Сибирь, я с волнением ждал Madeleine во Владивостоке.

В день моего отъезда из Москвы¹⁴⁸ у нее не был готов ее паспорт, и потому она должна была приехать одна. Она жила теперь в Москве, на Петровке, во французском пансионе¹⁴⁹, оставив свое место у моего брата.

Однако вскоре Л.Л. Толстой был уже в Ясной Поляне. Запись в ежедневнике С.А. Толстой от 3 ноября 1916 года позволяет предположить, что в Москве Л.Л. Толстой встретился с Мадлен и окончательно договорился с ней вместе покинуть Россию: «Вернулся Лева с новыми планами ехать в Китай и Индию читать лекции. Меня это очень пугает и огорчает. С той же целью уехал Илья в Америку. Много еще мне горя впереди, если не скоро умру. ...» — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 439.

Через неделю, 10 ноября 1916 года она сокрушалась: «Тоскливо приближается отъезд сына Левы, и очень тяжело. 11 месяцев прожил со мной. Что делать! ...» — *Там же*.

На следующий день, 11 ноября 1916 года, проводив сына, С.А. Толстая призналась: «Невыносимо тяжело пережила я сегодня отъезд и разлуку с Левой. Он так много вносил в нашу жизнь и мысли, и музыки, и нежного, доброго отношения. Какой на все талантливый и какой хороший нрав! А несчастлив и неуравновешен. ...» — *Там же*. С. 440.

Итак, 11 ноября 1916 года Л.Л. Толстой уехал из Ясной Поляны и более не возвращался в родной дом. Во всяком случае, документов, подтверждающих его приезд в Ясную Поляну в 1918 году, найти не удалось.

¹⁴⁶ Неделя, проведенная Л.Л. Толстым в Москве в начале декабря 1916 года (см. об этом ниже), сопровождалась посещением клубов и игр. 17 февраля 1917 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «Очень расстроил меня рассказ Тани об проигрыше в Москве перед отъездом в Японию Левы. Ужасно. Новый камень на сердце». — *Там же*. С. 442.

¹⁴⁷ Л.Л. Толстой был убежден, что Тимофей Ермилович Базыкин (1861-1934) был сыном Л.Н. Толстого и яснополянской крестьянки Аксины Александровны Базыкиной (урожд. Аникановой; 1836-1919). Того же мнения придерживались и на деревне. — См.: *Сафонова О.Ю.* Словарь яснополянских крестьян и их потомков, составленный по устным воспоминаниям А.П. Головиной, М.П. Зябревой и Т.А. Румянцевой // *Яснополянский сборник 2002*: Статьи, материалы, публикации. Тула, [2003]. С. 329-330.

Л.Н. Толстой в последние годы жизни практически подтвердил это предположение. Так, в записной книжке № 1 за 1909 год он 13 июня размышлял: «Посмотрел на босые ноги, вспомнил Акси[ню], то, что она жива, и говорят, Ерм[ил] мой сын, и я не прощу у нее прощенья, не покаю[лся], не каюся каждый ча[с] и смею осуждать других». — *ПСС*. Т. 57. С. 218.

Л.Н. Толстой ошибся: Ермил Николаевич Базыкин (умер в 1919 году) был не сыном, а мужем А.А. Базыкиной.

Помимо Л.Л. Толстого, Андрей и Александра Толстые также считали Тимофея своим старшим братом. В рецензии на книгу Анри Труайя о Толстом А.Л. Толстая позднее писала: «... Несколько раз Труайя касается личности Тимофея, незаконного сына отца (с. 623). Отец, до женитьбы, был связан с очень привлекательной молодой крестьянкой. Их сын, Тимофей, высокий блондин с серыми глазами, широким носом и приятным голосом, был очень похож на отца.

Он жил в деревне со своей матерью, крестьянствовал, и все соседи уважали и любили его. Когда мой брат Андрей женился на Ольге Дит[е]рихс [...] и купил имение, Тимофей нанялся к нему кучером и заводил конным заводом. Он был настоящим другом Андрея, давал ему полезные советы и оберегал его. [...]» — См.: *Толстая А.Л.* Правда о Толстом: По поводу книги Анри Труайя “Толстой” (Henry Troyat. Tolstoy. N.Y., 1968) // *Мосты*: Лит.-худож. и обществ.-полит. альманах. Мюнхен, 1970, № 15. С. 295. См. также: *Ханссон К.* Андрей: Роман /Пер. со швед. Тула: Ясная Поляна, 2000. С. 101-105, 134, 237-238.

¹⁴⁸ До отъезда за границу Л.Л. Толстой в ноябре-декабре 1916 года отправил в Ясную Поляну матери еще несколько писем, позволяющих уточнить маршрут путешествия и настроение пишущего.

«

16 ноября <19>16 г<ода>
Москва

Дорогая, милая мамаша,

У меня дела находятся в нерешительном еще положении. Во всяком случае, до отъезда далеко. Трудно будет с деньгами. Почти нет возможности их перевести в Китай или Японию. Там не знают, как отделаться от русских рублей, а китайских и японских денег здесь нет. Может быть, в Петрограде это устроится легче.

Во-2-х, вопрос лекций на тему мира. Говорят, что это не <во>время. В 3-ых, паспорт. В-4-х, вторая лекция об отце требует времени, — надо приготовить световые картины для фонаря, а на это тоже нужно время. В-5-х, выдернул я себе передний зуб и стало очень неловко во рту, а <чтобы> вставить, нужно больше недели.

Все это и еще другие мелочи меня задерживают пока в Москве. Живу скромно, занимаюсь и раздумываю. Сегодня решу, ехать ли и когда приблизительно в Петроград. Но и это не легко за отсутствием билетов.

Видел Таню много раз, а <также> Мишу, Лину и детей. Как-то Вы с Варей? Что Душан? Я встретил в вегетарианской столовой его племянника. Очень он бледен лицом.

Купил себе книг и материалов, многое узнал. Пока ничего нового нет и потому обнимаю Вас и Варюшу. Кто знает, может быть, придется вернуться в Ясную, хотя это и не легко. На все же судьба, в которую я верю. В Ясной, конечно, мне только слишком хорошо и потому я в ней не усидиваюсь. Поклон всем.

Лева».

Был канун Рождества, когда она, наконец, приехала. Но и тут меня ожидали тяжелые волнения.

Какой-то поклонник Madeleine, студент, влюбленный в нее и желавший на ней жениться, приехал с ней из Москвы. Приехала и какая-то таинственная дама, с которой она познакомилась в вагоне и которая пригласила ее на Рождество на елку на свою стоящую вне города дачу.

В день Рождества я до поздней ночи один ждал возвращения Madeleine в отель, где я нанял для нее комнату, и, наконец, встревоженный, я взял автомобиль и ночью поехал искать ее по обледенелым окрестностям. С трудом я, наконец, нашел дачу, где она должна была провести вечер, но китаец-слуга сказал, что дамы уже уехали куда-то.

Я вернулся в отель, и только через час после моего возвращения приехала с елки Madeleine.

— **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 14628. Л. 1-2. Автограф.

...вторая лекция об отце... — в очерках, опубликованных сразу же по возвращении в Россию из этого путешествия, Л.Л. Толстой назвал темы обеих лекций: «О жизни и учении Л.Н. Толстого» и «Проблемы всеобщего мира». — См.: **Толстой Л.Л.** Вокруг света во время войны и революции (С декабря 1916 года по август 1918 года) // **Восточка:** Периодический листок ВНЕ политики /Редактор-издатель Л.Л. Толстой. Пг., 24 августа 1918 года, № 1. С. 4.

...световые картины для фонаря... — т.е., иллюстрации, которые можно показывать с помощью проекционного фонаря. См. его устройство в изд.: **Энциклопедический словарь...** Т. XXXVI. С. 221-229.

...его племянника... — у Д.П. Маковицкого было несколько племянников: Владимир (1891-1918), Душан (1894-1978) и Здено Маковицкий. Кого из них встретил Л.Л. Толстой в Москве, установить не удалось. В то же время известно, что Здено Осипович Маковицкий в начале февраля 1917 года приезжал в Ясную Поляну, а летом там был и Душан Владимирович. — См.: **Толстая С.А.** Дневники... Т. 2. С. 442, 447.

24 ноября 1916 года Л.Л. Толстой уехал в Петроград, где в тяжелом состоянии находился 14-летний Никита, заболевший брюшным тифом. — **ОР ГМТ.** Архив С.А. Толстой, № 14629. Л. 1 об.

В начале декабря кризис миновал и Л.Л. Толстой вернулся в Москву. — **Там же,** №№ 14630-14631.

Не заезжая в Ясную Поляну, он отправился в кругосветное путешествие.

12 декабря 1916 года условно можно назвать днем отъезда Л.Л. Толстого из Москвы на Дальний Восток. Сохранилось его письмо матери, написанное в дороге карандашом.

«
18 дек<абря 19>16 г<ода>
Пишу из поезда, дорогая мамá, подъезжая к Красноярску. Завтра неделя, как выехал из Москвы. Привыкаю жить в вагоне и не считать времени. До Владивостока еще неделя. Поезда переполнены. Морозы до 40°, но зато всего много и все дешево в просторной могучей Сибири. Она мне очень нравится.

Из всех моих внутренних ран Ваша болезнь меня все острее гнетет. Надеюсь, что Вам лучше и нездоровье было по случайным причинам. Очень тревожит и состояние Никиты, хотя я верю в его выздоровление.

Еду один в<о> II классе почтового поезда. Здоров, но утомляюсь. Тогда заваливаюсь спать. Надеюсь на успех, а там, что Бог даст. Не беспокойтесь обо мне. Даль не страшна. Страшна близость, такая, как русская.

Удивительны сибирские реки, леса и степи, прекрасно яркое солнце и звезды, хороши и простые сильные люди. Восток поможет мне. Я в это верю.

Буду писать, вероятно, в <“>Новое Время<”>. Все, что хотел, удалось провести пока через Петроград.

Не пишу пока о душевных делах. Слишком сложно.

Все пройдет и все к лучшему. Пусть будет, что будет. Судьба моя особенная и сам я особенный, <отличный> от других. Плох очень, но чтобы сделаться хорошим, очень надо сделать<ся> прежде дурным очень. Коли это суждено, то это и будет. Целую Вас, милая, <и> остальных из своих. Простите и до свидания.

Лева».

— **Там же,** № 14632. Л. 1-2 об. Автограф.

Через несколько дней, добравшись до Иркутска, Л.Л. Толстой отправил коротенькую записку в Ясную Поляну:

«Еду и никак не доеду даже до Владивостока. Еще неделя от Иркутска. Много хорошего и интересного по пути и в людях и в чудесной природе.

Ваш Лева».

— **Там же,** № 14657. Л. 1. Автограф. На основании почтового штемпеля записку можно датировать 21 декабря 1916 года. — **Там же.** Л. 1 об.

¹⁴⁹ Л.Л. Толстой не вполне точен: пансион при французском институте — женском учебном заведении I-го разряда с курсом правительственных гимназий — находился в Петрограде на Невском проспекте, 88. — См.: **Весь Петроград ...** на 1916 год... Отд. II. Стб. 556-558.

В Москве в доме французского правительства в Милютинском переулке, 9 располагался французский центр с курсом гимназий Министерства просвещения и детским приютом. — См.: **Вся Москва...** на 1915 год. Ч. II. Стб. 1024.

Женская французская гимназия при церкви Св. Людовика также находилась не на Петровке, а на Малой Лубянке, 12. — **Там же.** Ч. II. Стб. 379.

Вероятно, в одном из этих мест и жила в это время Мадлен.

На другой день я поставил ей строгим условием или ехать со мной в Японию, как было решено, в качестве секретарши, или я отправлю ее обратно в Москву. Она согласилась ехать со мной, и на следующее утро¹⁵⁰ небольшой русский пароход повез нас из Владивостока в Цуругу¹⁵¹.

Огромного роста девушка, похожая на мужчину-великана, спросила меня вечером, готовить ли для нас две отдельные каюты или одну. Я ответил ей, что одной нам будет довольно.

Я никогда в жизни не видел такого громадного и уродливого человеческого существа, в то же время молчаливого и добродушного.

Когда пароход отчалил от берега, я подумал, что, может быть, никогда больше я не вернусь в Россию. Что-то совсем новое началось в моей жизни, что-то бесшабашное и в то же время роковое.

В эту ночь Madeleine сделалась моей новой тайной женой, и я был счастлив, что случилось так. Когда-нибудь, думал я, я сделаю ее женой явной, если захочет судьба.

Ночь мелькнула, как минута, и мы подошли к японскому берегу. Свет и солнце. Зелено-синие морские волны на фоне чистого белого снега и темной зелени. Свет и солнце. Это Цуруга. Со станции железной дороги слышится какой-то странный стук. Это лязг деревянной японской обуви по доскам платформы. Мы сходим с парохода, садимся в японский чистенький поезд, едущий в Токио.

От Японии у меня осталось самое светлое воспоминание. Я полюбил ее энергичный, жизненный <жизнерадостный?> народ и оценил громадный прогресс, сделанный им за последние 50 лет. Куда <бы> я ни приезжал и где бы ни читал мои лекции об отце и России, всюду я встречал самое искреннее внимание и интерес. С кем <бы> я ни встречался, все были гостеприимны и милы¹⁵². В лучшей гостинице <в каждом городе> нам предоставляют две комнаты.

В Токио тогда издавалась газета одним из братьев Тукутоми¹⁵³, которые когда-то были в Ясной, — другой брат был известный писатель-беллетрист¹⁵⁴. <Он> жил в деревне, дав после смерти своего отца

¹⁵⁰ Л.Л. Толстой не вполне точен: его отъезд в Японию состоялся лишь в начале января 1917 года. Накануне отплытия Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну последнее письмо:

«
Целую.
Дорогая мамá, завтра, 7-го янв<аря> только уезжаю в Японию. Задержался здесь по разным обстоятельствам. То не было парохода, то бури мешали. Напишу из Токио. Здоров. Климат мне подходит. Надеюсь, что все здоровы. В Японии, вероятно, будут вести. Кое-что работал. Много интересных впечатлений. Прочтите в <“>Нов<ом> Времени<”> о Сибири.
Л<ева>».

— ОРГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14633. Л. 1 об. Автограф.

... Прочтите в <“>Нов<ом> Времени<”> о Сибири... — статей Л.Л. Толстого в «Новом времени» в 1917 году не было.

¹⁵¹ Цуруга — порт в Японском море на острове Хонсю.

¹⁵² Приезд Л.Л. Толстого стал заметным событием для членов Толстовского общества Японии. В издаваемом ими журнале появилось несколько статей о сыне великого писателя. — См.: *Приезд Льва Толстого // Исследование Л.Н. Толстого*. Токио, 1917, № 2. С. 17; *Приветствие графу Льву Львовичу Толстому // Там же*, № 3. С. 1; *Нобори Сёму*. Встречи с младшим Львом Толстым // *Там же*, № 3. С. 4-7.

¹⁵³ Итиро Токутоми (псевд. Сохо; 1863-1957) — известный историк, публицист и общественный деятель; глава издательства, газеты «Кокумин-симбун» и журнала «Кокумин-Но-Томо» («Друг народа»); посетитель и адресат Л.Н. Толстого; автор очерков о Толстом. Именно с ним встречался Л.Л. Толстой в Ясной Поляне 26 сентября 1896 года. — *ПСС*. Т. 53. С. 108, 454-455. См. также: *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток. 2-е изд., перераб и доп. М.: Наука, 1971. С. 232-234.

¹⁵⁴ Кэндзиро Токутоми (псевд. Рока; 1868-1927) — младший брат Итиро Токутоми; писатель; в молодости принял христианство; увлекся идеями Толстого; в июне 1906 года провел пять дней в Ясной Поляне, когда там находился и Л.Л. Толстой. — *ПСС*. Т. 55. С. 426. См. также: *Японский паломник*: воспоминания Токутоми Рока / Публикация А.И. Шифмана // *Толстой и зарубежный мир...* Кн. 2. С. 167-204; *Громковская Л.Л.* Лев Толстой и Токутоми Рока (К проблеме лит. влияния) // *Лев Толстой и литературы Востока*. М.: Наследие, 2000. С. 57-70.

обет безвыездно пробыть в этой деревне три года¹⁵⁵. Когда он узнал о моем приезде, он прислал за мной в отель автомобиль с красавцем шофером и своей прислугой японкой.

Через весь город Токио и его бесконечные пригороды мы выехали, наконец, в японскую деревню, любясь на окрестности и гордую Фудзияму¹⁵⁶. Наконец, после долгих скитаний наш автомобиль остановился перед пустынной дачей.

Какой-то японец в очках и кимоно медленно шел к нам навстречу, а справа на кладбище в это время раздавались какие-то дикие крики.

— Это, может быть, ловушка? Никакого Тукотоми здесь нет? — полушутя сказал я Madeleine, которая пугливо оглядывалась по сторонам. — Вы слышите крики на кладбище? Это для нас роют могилу!

Но вот человек в очках с улыбкой подходит к нам, кланяется и ведет в свой дом. Мы подходим к крыльцу, снимаем обувь и входим в большую светлую комнату, всю заставленную книгами. Г<оспожа> Тукотоми¹⁵⁷ предлагает нам сласти, а сам хозяин исчезает куда-то, потом возвращается и, все также мило улыбаясь, молча кладет передо мной лист белой бумаги со множеством надписей. Я узнаю почерк отца и матери, потом братьев и сестер и, наконец, мою собственную <надпись>.

Я взглянул в доброе лицо хозяина, который теперь громко и весело смеялся, видя, что мы убедились, наконец, в том, что он был действительно Тукотоми. После короткой беседы нас повели в столовую, где на подушках вокруг крошечного столика мы ели рис палочками и еще какое-то блюдо.

Очень красивое впечатление произвел на меня древний город Киото, где в университете я читал лекцию студентам. С необычайным вниманием они слушали меня и моего переводчика. Но мой милый поэт так увлекался, переводя мои английские фразы на японский язык, что речь его иногда длилась <бесконечно долго>, тогда как моя фраза занимала не больше минуты. Он был поэтом и литератором и, очевидно, страстным поклонником Толстого. Он написал Madeleine стихотворение о ее чудных «орлиных» глазах.

В Киото я посоветовал студентам возможно больше выходить из национализма в область интернациональную. Теперь бы сказал им это иначе: будьте национальны в лучшем рациональном смысле, чтобы быть в состоянии служить в области интернациональной.

В то время в Кобэ¹⁵⁸ было толстовское общество под названием «Самовар», которое мы тоже посетили. Молодые члены его преклонялись перед толстовскими идеями, но произвели на меня слабое впечатление.

В Осаке мы видели большой пожар — одно из тех стихийных страшных бедствий, которые возможны только в Японии.

О встречах с Л.Л. Толстым в 1906 и 1917 годах Токутоми Рока подробно рассказал в книге воспоминаний и эссе «Новая весна». — См. об этом: *Громковская Л.Л.* Токутоми Рока: Отшельник из Касуя. М.: Наука, 1983. С. 167-172.

¹⁵⁵ Кэндзи Токутоми еще раньше под влиянием идей Толстого поселился в деревне и жил крестьянским трудом. — См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 2. С. 168, 629.

¹⁵⁶ Действующий вулкан на острове Хонсю в 90 км от Токио и самая высокая вершина в Японии (3776 м), которая в течение 10-ти месяцев в году покрыта снегом. На склонах горы Фудзияма вечнозеленые леса перемежаются кустарниковыми пустошами.

Изображение священной для японцев горы Л.Л. Толстой безусловно встречал ранее на картинах, рисунках, вышивках и фарфоровых вещах.

¹⁵⁷ Аико (Ай) Токутоми. В письме Толстому накануне своей поездки в Ясную Поляну Кэндзи Токутоми так объяснил имя жены: «Ее зовут Ай, что значит “любовь”». — См.: *Громковская Л.Л.* Токутоми Рока... С. 116. См. также о ней в кн.: *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток... С. 270.

¹⁵⁸ Кобэ (Кобе) — порт на юге острова Хонсю.

Жутко было смотреть на громадное зарево, осветившее темную ночь, на растерявшиеся фигуры людей и густые облака дыма, на громадное пространство покрывавшие горевший город и окрестности.

Японские дети на спинах их матерей пленили меня своим цветущим здоровьем и детской красотой. Вся страна оживает.

Пробыв в Японии около двух месяцев, мы решили ехать в Америку, где, нам казалось, будет легче заработать <на> жизнь. Мои японские лекции дали нам мало, а расходы были большие, и мы на какое-то <время> поплыли в Сан-Франциско на японском тихоокеанском парохде.

Радостное и сильное настроение было у нас в водах Тихого Океана. Летящие рыбки, залетающие в каюты и падавшие на наши койки; чудесные звездные ночи; веселая, прелестная Madeleine, с которой мы сочиняли сценарии и готовили лекции.

Кажется, большие недели мы плыли по океану, не видя земли, пока, наконец, наш пароход не причалил в Гонолулу¹⁵⁹. Куча журналистов окружила меня, показывающие последние, кажущиеся мне чудовищными, телеграммы из России: “Керенский — премьер”¹⁶⁰ и “Царь отрекся от престола!”¹⁶¹.

— Кто такой Керенский? Что будет теперь? — спрашивают меня.

¹⁵⁹ Гонолулу — административный центр и порт на острове Оаху в Тихом океане.

¹⁶⁰ Л.Л. Толстой не был знаком с адвокатом, членом Четвертой Государственной Думы Александром Федоровичем Керенским (1881-1970). 1 марта 1917 года он стал министром юстиции и исполнял эти обязанности вплоть до 2 мая 1917 года, когда — в силу обстоятельств — ему был вручен портфель военного и морского министра. Только с 7 июля 1917 года А.Ф. Керенский принял на себя всю полноту власти в качестве министра-президента России, а в сентябре-октябре 1917 года он стал министром-председателем Временного правительства и верховным главнокомандующим Российской армии. — См.: *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М.: Республика, 1993. С. 143, 185, 204.

¹⁶¹ Манифест об отречении Государя Императора Николая II был подписан днем 2 марта 1917 года.

« *Манифест Николая II*

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжелое испытание. Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно с славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского.

Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним — повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний помочь ему вместе с представителями народа вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

Николай.

2-го марта 1917 г. 15 час.

В гор. Пскове.

Скрепил Министр Императорского Двора Фредерикс». — См.: Новое время. Пг., 5/18 марта 1917 года, № 14719. С. 1.

Документ, полный драматизма и предчувствия непоправимой беды, был обречен остаться не услышанным. Он появился на страницах газет через несколько дней, в другой стране, с другими правителями и подданными.

*3 марта 1917 года в Петрограде великий князь Михаил Александрович Романов (1878-1918), не вступая в царствование, «отказался от власти впредь до решения Учредительного Собрания о форме правления в России». — Там же. См. также: *Дневники Императора Николая II...* С. 625.*

В тот же день, 3 марта 1917 года появилась Декларация Временного правительства, из которой следовало, что крушение монархии в России состоялось. — См.: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте... С. 147.

*По иронии судьбы, общественное мнение в европейских странах с сочувствием встретило известие о революции в России. — См.: Sarolea Ch. The meaning of the Russian Revolution // *The Review of Reviews*. Lnd., April 1917. Vol. LV, no. 328. P. 363-369; *Russia's Glorious Revolution // Ibid.* May 1917. Vol. LV, no. 329. P. 468-469.*

— Керенского я не знаю, но думаю, что это величина ничтожная, — отвечаю я, — и будет все хуже и хуже.

— Это ваша жена? — спрашивает меня один из журналистов, с восхищением глядя на красавицу Madeleine, которая была прекрасна: вся в белом платье, свежая, самая белая. Никогда еще я не видел ее такой. Она услышала вопрос журналиста и быстро по-французски шепнула мне: “Dites que si”¹⁶². Чтобы сделать ей приятное, я ответил ему утвердительно.

В Гололулу мы оставались недолго, но все же успели осмотреть лучший в мире аквариум, который неожиданно раскрыл передо мной тайны глубин Тихого Океана. В нем скрывается какое-то бесконечное количество видов рыб: монголоподобные, птицеобразные, лошадинообразные, рыбы-зебры, обезьяны, собаки, змеи, — всевозможные прототипы всех земных живых существ, в том числе и человека. Это доказывает с очевидностью наше происхождение из океанов. Путем скрещивания, в продолжение миллионов лет, и по мере постепенного осушения морей и образования материков, когда эти существа стали жить на суше, они создали тот животный мир, который мы знаем.

Гололулу мне памятен еще и тем, что с этого дня я стал упорно думать о моей теории движения на восток, которую читатель найдет в III-ей части этой работы — “Лунгарно”¹⁶³.

Эту теорию или гипотезу я считаю самым важным пунктом в области моей интуитивной мысли и моих наблюдений.

Будущее подтвердит это убеждение. Громадным, не сравнимым ни с чем благом будет для человека быстрое движение его на Восток, когда оно сделается возможным и всеобщим практическим средством его омоложения и оздоровления.

Эта теория — величайшее открытие, когда-либо сделанное на земле. Над ним саркастически улыбались мои современники, в том числе люди науки, говоря, что в движении на запад или на восток нет никакой разницы, но я так глубоко убежден в благотворном влиянии движения на восток, что ничто не может поколебать меня в этом. Я думаю даже, что оно откроет людям путь к физическому бессмертию¹⁶⁴.

* * *

<...> Моя дурная и бурная жизнь промелькнула, как молния, и вот я уже старик, хотя не хочу в этом признаться. Страсти стали слабее, разум — сильнее, и, может быть, лучшее, что я могу теперь

¹⁶² Скажите “да” (фр.).

¹⁶³ См. III-ю книгу «Lungarno». Гл. 20. — Примеч. Л.Л. Толстого.

¹⁶⁴ С лекцией на эту тему Л.Л. Толстой в июле 1927 года выступал в Америке в июле 1927 года. В его шведском архиве сохранились недоуменные отклики американских корреспондентов, датированные 13-15 июля 1927 года. — См.: *Flights from Europe doomed*, says writer: Count Tolstoy claims movement Earth is handleap; *Go East, young man*, is Tolstoy's health theory; *Speed East to gain happiness and health*, Tolstoy's advice; *Rich C.* Travel way old Earth rotates, its secret of health, says Tolstoy; *Rich C.* Find speed is essential: Count Leo Tolstoy says travel from East to West is most healthy; *Tolstoy seeks key to life in speed*.

Через десять лет в Риме Л.Л. Толстой старался увлечь своей идеей и старшую сестру. 31 января 1937 года она с огорчением писала брату С.Л. Толстому в Москву: «<...> А несчастный Лева<...> придумал бессмертие: это очень просто — надо всегда двигаться навстречу солнцу. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив С.Л. Толстого. Кп-15596, п. 17, № [15]. Л. 1. Автограф.

И в Швеции Л.Л. Толстой продолжал размышлять на эту тему. Среди работ, подготовленных им к печати, есть статья под названием “Des enda sättet att övervinna ålderdomen och kanske döden (fantasi eller verklighet?)” [«Единственный способ победить старость и, возможно, смерть (фантазия или действительность?)»]. — *Там же*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [10]. Машинопись с авторской правкой на швед. языке.

сделать, — это оставить после себя самое важное — искреннее и полное признание перед миром в моей негодности.

Эти воспоминания кратки и отрывочны, нет времени входить в подробности и художественные детали, все же я хочу вспомнить главные уроки, данные моей судьбой. Жизнь человека — не один роман, а множество, она — целая поучительная поэма, если описание ее правдиво. Она — пример того, как не надо жить и как надо. Но если страдания — сама жизнь, а жизнь — постоянное страдание, то можно ли научить другого, как их избежать. Так или иначе страдания неизбежны. Все же, кажется мне, мы могли бы не засорять и не портить нашего существования лишними ошибками. М<ожет> б<ыть>, жизнь не должна быть вечным страданием, а <должна быть> вечной радостью и счастьем. Если бы нас в молодости предупреждали об опасностях, ожидающих нас на жизненном пути, мы бы спасались от многих бедствий. К сожалению, это делается в очень слабой степени или совсем не делается, и потому, когда страсти овладевают нами, мы не в силах их сдерживать, куда бы они ни привели нас. С другой стороны, в хаосе несправедливого и жестокого мира тысячи случаев и событий содействуют распуцченности наших эмоций, за которыми следуют пороки.

Когда я вспоминаю сейчас состояние моей души в период мировой войны, я вижу, что она была совершенно затемнена страстями, которые я не хотел и не мог сдерживать. Они с такой силой овладели мной, что за ними я не видел трезвой и разумной жизни.

Если бы не было войн, нищеты, болезней и невежества, если бы вместо них мы бы создали вечный мир на земле, богатство, здоровье и просвещение, — в нашей жизни почти не оставалось бы места несчастьям и мукам.

* * *

Возвращаясь к <тому> моменту, когда после трех недель в Тихом океане наш пароход подошел к пристани в Сан-Франциско¹⁶⁵, где нас ожидал довольно неприятный сюрприз. Нам не позволили сойти с парохода вместе с остальными пассажирами, и только когда вся публика сошла на берег, один из паспортных чиновников с важным видом блюстителя нравственности подошел ко мне и спросил, жена ли мне Madeleine. Я ответил, что нет, но что она была моей секретаршей.

— Почему же вы сказали в Honolulu, что она ваша жена?

— Она неожиданно попросила меня сказать так, и я не хотел ей отказать.

— Вы живете с ней, как с женой? — продолжался расспрос.

— Нет. Она моя секретарша и только. Поэтому я взял для нас две отдельные каюты.

— Вы можете поклясться в том, что вы не имели с ней половых сношений?

— Я не клянусь никогда.

¹⁶⁵ Л.Л. Толстой ошибся: путешествие длилось две недели. В очерках, которые печатались после возвращения Л.Л. Толстого в Россию, точно указана продолжительность плавания: «[...] От Гонолулу до Сан-Франциско расстояние больше, чем от Йокагамы до Гонолулу, и мы его прошли в 14 дней.

Говорили, что в океане были немецкие рейдеры — трехмачтовые суда с вооружением — и подводные лодки, но это оказалось пока неправдой.

На пароходе по вечерам устраивались представления кинематографа на палубе для всех классов, а для пассажиров I и II класса были вечера и концерты, которые они сами организовали. Администрация японских пассажирских пароходов Тихого океана делает все для того, чтобы можно было искренне похвалить их и пожелать вновь взять их для переезда. Пастор с Филиппин читал лекцию о Филиппинах, очень интересно иллюстрируя ее <проекционным> фонарем.

С нами ехало несколько американских миссионеров обоего пола из Индии. Я расспрашивал их об их успехах в Кашмире. Вынес впечатление, что христианство в Индии вообще успех имеет слабый. [...]». — См.: Толстой Л.Л. Вокруг света во время войны и революции... // *Восточка*... Пг., 4 сентября 1918 года, № 9. С. 4.

Чиновник замолчал и после долгого совещания с другими, проверив наши паспорта, наконец, выпустил нас на пристань.

В Сан-Франциско я нашел двух близких мне людей: брата Илью и Паоло Трубецкого¹⁶⁶. Илья был товарищем моего детства, Трубецкой всегда интересовал меня как скульптор и оригинальный, наивный человек. Он лепил в то время группу семьи богатейшего в городе сахарного короля¹⁶⁷ и зарабатывал большие деньги. Он был со своей шведкой-женой Элен¹⁶⁸, которая, чем больше Паоло зарабатывал, тем больше тратила на туалеты и автомобили, флиртуя со всеми, обращавшими на нее внимание. Трубецкой этого не хотел знать и неизменно трогательно обожал ее.

В то время он сочинил фильм, в котором действующим лицом был юноша, прилетевший на Землю с другой планеты и влюбившийся в молодую земную девушку. Он рассказывал ей, как живут на его звезде, и удивлялся ужасным порядкам человечества. Там не было ни войн, ни законов, ни бедности, ни власти, ни страданий. Там все были вегетарианцы и любили друг друга. Жаль, что я не помню этого фильма. В нем очень талантливо сопоставлена наша действительность с идеалом.

Брат Илья читал в Сан-Франциско лекции об отце¹⁶⁹, выступая как номер в театре “водевиль”¹⁷⁰. Было странно видеть его на эстраде с картинками волшебного фонаря, изображавшими

¹⁶⁶ В конце марта 1917 года Л.Л. Толстой писал матери:

«

Сан-Франциско
28 марта 1917 г<ода>

Дорогая мамаша,

Вот откуда пишу Вам, милая, неожиданно для себя и всех. Я в Америке вместе с братом Ильей, который тоже в Сан-Франциско сейчас, читает лекции и говорит речи. О себе не хочется пока говорить. Все еще только одни надежды и потом усталость после длинного морского пути через Тихий Океан.

У меня к Вам большая просьба. Так как я хочу остаться здесь <на>долго и работать до тех пор, пока не заработаю нужных мне средств, то я хотел бы получить сюда из России возможно скорее все мои сочинения для перевода их на английский язык и издания здесь в журналах и отдельно. Будьте добры собрать все, что есть моего в Ясной Поляне, кроме книг о Швеции и Голодных годов, и прислать мне по адресу: Северо-Америк<анские> Соедин<енные> Штаты. Сан-Франциско. America, S<an>-Francisco 720. Jones Street. Near Sutter. Luxor Hotel. Apartments Count Leo Tolstoi.

Из сочинений моих пришлите заказной посылкой, хорошо упакованной в клеенку и с ясной надписью на ней следующей: “Мы проснемся” (это в оставленных мной в Ясной <Поляне> бумагах); мелкие рассказы, напечатанные за жизнь мою в Ясной в “Огоньке” и в <журнале> “Весь мир”. Это там же, в бумагах. Затем “Драматические Сочинения”, затем “Прелюдия Шопена” и др<угое>: <“>Моя Гигиена<”>, <“>Яша Полянов<”> и детские рассказы и все, что найдется, кроме этого.

На днях начинаю здесь лекции о задачах всеобщего мира после войны. Здоров, но утомлен. Жизнь кипит вокруг. Нанял себе дешевое меблированное помещение.

Встретил здесь Паоло Трубецкого, с которым сегодня завтракал. О России читаем телеграммы ежедневно. Интерес к ней громадный. Бог поможет, я найду здесь большие симпатии с моими искренними и широкими взглядами. Обнимаю, целую всех и люблю.

Ваш Лева».

— *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14634. Л. 1-2 об. Автограф.

¹⁶⁷ Возможно, речь идет о семье одного из наследников сахарной империи, которую с 50-х годов на западном побережье Америки создавал выходец из Германии Клаус Шпреклз (Spreckels; 1828-1908). После его смерти дело перешло к трем его сыновьям, из которых средний, Адольф Б. Шпреклз (1857-1924), благодаря женитьбе на красавице, постепенно стал одним из самых знаменитых людей в городе. Победительница одного из первых конкурсов красоты, датчанка-аристократка по происхождению, Альма Эмма де Бретевиль (Bretteville; 1881-1968) к этому времени побывала в разных странах мира и познакомилась со многими деятелями искусства, среди которых был и О. Роден. В ее музейном собрании были многие его работы, часть которых позднее была передана городу.

Можно предположить, что Паоло (Павел Петрович) Трубецкой (1866-1938) был знаком с членами семьи Адольфа Б. Шпреклза и участвовал в проводимых его женой благотворительных акциях. Однако никаких достоверных данных об этом пока найти не удалось. — См.: *Craig Ch. Spreckels [née de Bretteville], Alma Emma: Philanthropist, Socialite, and Patron of the Arts //Encyclopedia of San Francisco* (<http://www.sfhistoryencyclopedia.com/articles/biography/spreckelsAlma.html>).

¹⁶⁸ Первая жена П.П. Трубецкого, Эллин Трубецкая (урожд. Сундстрём; Sundstrom; 1883-1927).

¹⁶⁹ И.Л. Толстой покинул Петроград и отправился в США 2 ноября 1916 года. — См.: *Толстая С.А. Дневники...* Т. 2. С. 589 (см. также выше в примеч. 145).

С декабря 1916 года начались его выступления с лекциями об отце в разных городах Америки. — См.: *Fort Wayne Journal-Gazette*. Fort Wayne, Indiana. January 9, 1917. P. 5; *Count Ilya Tolstoy son of Leo Tolstoy tours country telling of his father's work //Frederick News-Post*. Frederick, Maryland. January 12, 1917. P. 7; etc.

нашу семью и виды Ясной Поляны. Его выход был сейчас <же> после и <ли> до акробатов, шутников и шансонетных певцов и певиц. Но ему хорошо платили, а это было для него в то время главное. Ему во что бы то ни стало нужно было в те дни вернуться в Россию и вывезти оттуда свою будущую вторую жену Надежду Клементьевну¹⁷¹. Вся цель его жизни была в этом.

Первые дни мы провели с Madeleine в отеле, но так как это было слишком дорого, я нанял отдельную меблированную квартиру со всеми удобствами и был счастлив, что, наконец, мог хоть на время обосноваться.

В этой квартирке-бунгало¹⁷² были две комнаты, из которых одна ночью обращалась в спальню, <так как> громадная спальная кровать, вделанная в стену, вечером могла спускаться, а утром снова убираться из виду.

Замечательно, практично и просто была здесь устроена вся жизнь вообще и, в частности, вопросы питания. Дешевы были прекрасные фрукты: яблоки, груши, сливы и виноград, которыми был завален наш стол; в лавках вся еда продавалась уже готовая, так что нескольких минут было довольно, чтобы приготовить обед на газовой плите.

Сан-Франциско мне понравился с первых же дней, и я охотно поселился бы в нем, если бы не Madeleine, не знавшая английского языка и как будто скучавшая. Она неожиданно переменялась. В ней исчезли ее живость и веселость, и вместо них что-то серьезное стало светиться в ее больших, красивых глазах.

В Сан-Франциско я был приглашен на завтрак в Клуб писателей, где меня попросили говорить. В тот период меня интересовал вопрос, каким же, наконец, способом мир избавится от революций, социальных смут и войны, и мне казалось, что только при признании всеми гражданами существующих в государстве и во всем мире законов священными, оно может жить в благоденствии и покое. Эта мысль была одной из главных основ веры младшего из восточных религиозных законодателей, Баба¹⁷³, о котором я

В Нью-Йорке власти на всякий случай отменили выступление И.Л. Толстого в Колумбийском университете, но запрет только усилил интерес публики к рассказам сына Льва Толстого. В конце концов ему были предоставлены лучшие залы, в том числе один из залов Карнеги-холла. — См.: *Lecture by Tolstoy's son: Count Ilya to tell of father's ideals and his family life* // *The New York Times*. January 18, 1917; *Son sees prophecy in Tolstoy's work...* // *Ibid*. January 20, 1917; *Count Ilya Tolstoy and his father* // *The Outlook*. February 21, 1917. P. 308; etc.

¹⁷⁰ И.Л. Толстой ошибся: театра под названием «*Водевиль*» в Сан-Франциско не было. Однако в городе было несколько театров, в которых ставили водевили: “*The South San Francisco Opera House*”, “*Brown's Opera House*” и “*The Pantages Theatre*”. В одном из них и выступал И.Л. Толстой (<http://cinematreasures.org/theaters/17282>) (http://en.wikipedia.org/wiki/Victoria_Theatre,_San_Francisco) (<http://home.earthlink.net/~minhnggia/theater.html>) (http://www.nps.gov/nr/feature/presmonth/2011/South_San_Francisco_Opera_House.htm)

¹⁷¹ В мае 1917 года И.Л. Толстой вернулся в Россию и, не дожидаясь развода, вместе с Надеждой Клементьевной Каткульской (по первому мужу — Паршиной; 1884-1946) осенью 1917 года навсегда покинул Россию. Достоверно известно, что еще 20 сентября 1917 года он был в России. — См.: *Толстой И., Светлана-Толстая С.* Пути и судьбы: Из семейной хроники. М.: Икар, 1998. С. 134.

Софья Николаевна Толстая (урожд. Философова; 1867-1934) болезненно отнеслась к уходу мужа, долгое время не давала согласия на развод, хотя семья распалась много лет назад. Только в сентябре 1920 года И.Л. Толстой смог официально соединиться с Н.К. Каткульской. В конце декабря 1921 года он писал старшей сестре Т.Л. Сухотиной-Толстой: «<...> Я получил развод и женился гражд<анским> браком на Наде. Живем, любим друг друга. Оба осиротелые держимся друг за дружку. Существую лекциями. Работа ужасно тяжелая, все время в дороге, в вагоне, в гостинице, и так почти каждый день всю зиму. Нервы истрепались ужасно, а бросить нельзя. Жить надо. <...>» — *ОР ГМТ*. Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой. Кп-23113/4, № [1]. Л. 1. Автограф.

¹⁷² от *bungalow* — дом с верандой (англ.)

¹⁷³ См. о нем и его последователях-бабидах выше в примеч. 56.

читал у графа Gobineau¹⁷⁴. Конечно, при таком условии сами писанные законы должны были бы приближаться к совершенству и иметь основой нравственный закон, живущий в каждой человеческой душе. Но и при существующих законодательствах именно для того, чтобы они могли естественно совершенствоваться, повиновение им должно было бы быть повсюду сознательным и абсолютным¹⁷⁵.

На эту тему я говорил в *Author's Club*, и калифорнийские писатели слушали внимательно. Брат Илья, чуждый моим идеям, но одаренный художественным инстинктом, как отец, тоже сказал несколько слов за этим завтраком о войне и привел картину поля битвы после сражения, когда санитары, поднимающие трупы, были неожиданно испуганы поднявшейся стайей куропаток¹⁷⁶. Контраст жизни со смертью.

Умственная и духовная жизнь интеллигентного общества в Сан-Франциско была интересна, и я был рад знакомиться с ней и в ней участвовать¹⁷⁷. Я начал уже задумывать серию лекций и, может

¹⁷⁴ Аристократ по происхождению, французский историк, социолог, мемуарист Жозеф Артюр де Гобино (Gobineau; 1816-1882) с 1849 года состоял на дипломатической службе. Длительное изучение разных народов способствовало тому, что Ж.А. Гобино стал одним из наиболее убежденных и последовательных теоретиков расизма. — См.: *Гобино Ж.А.* Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2001.

Л.Л. Толстой ссылается на этнографическое исследование *бабизма* в его книге «Религии и философии Центральной Азии». — См.: *Gobineau J.A.* Les religions et les philosophies dans l'Asie centrale. Paris, 1866. P. 141-194, 308-358.

В Ясной Поляне знали и другие работы Ж. Гобино, например, «Психологию социализма» («Psychologie du socialisme». Paris, 1905). — См.: *Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне...* Т. 3. Ч. 1. С. 651.

¹⁷⁵ В мае 1916 года Л.Л. Толстой завершил работу над лекцией, специально посвященной этой проблеме, — «Единое человечество (Как уничтожить бедствия и страдания настоящего и приблизиться к братству и вечному миру народов)». Один из выводов автор сформулировал так: «<...> Долой все, что грязнит мир и выводит человека из истинных законов его существа, и да здравствует все, служащее человеку помощью исполнять эти <...> законы единства мира. <...>» — *ОП ГМТ.* Архив Л.Л. Толстого, п. 6, № 62. Л. 108. Черновой автограф. См. также: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 2. С. 434-436.

¹⁷⁶ И.Л. Толстой в годы Первой мировой войны был военным корреспондентом на австрийском участке фронта. — См.: *Толстой С.М.* Древо жизни... С. 271-272; *Tolstoy-Miloslavsky D.* The Tolstoys genealogy and origin. [Alicante], 1991. P. 79.

¹⁷⁷ В очерках, опубликованных вскоре после возвращения в Петроград, Л.Л. Толстой так описал свое впечатление от Сан-Франциско:

«... Сан-Франциско очень красив со стороны моря, расположенный на зеленых, чистоплотных холмах, освещенный ярким солнцем.

Вот прибрежные батареи, вот доки, вот белые здания, оставшиеся от всемирной выставки. Американские власти тщательно контролируют пассажиров. Ни на волос нельзя отступить от закона. Наконец, выпускают на берег. Как и в Нью-Йорке, большие буквы всего алфавита под навесом указывают, где ваш багаж.

В городе движение и суета на главных торговых улицах и, напротив, мир и тишина тут же немного подалее и повыше в гористых кварталах, где живет буржуазия.

Сан-Франциско славится своей веселой шумной жизнью. Здесь многие живут в постоянных удовольствиях и развлечениях, — музыка, игра, театры, обеды, завтраки, вечера. Вулканический климат возбуждает. Сан-Франциско — порт богатой Калифорнии на пути в глубь Канады и обеих Америк, северной и южной, славится еще своей бойкой промышленностью и торговлей. Но здесь есть интереснейшее общество людей всех классов, начиная от рабочего и кончая учеными и писателями. Отелей в городе пропасть всех цен и величин. Все эти отели полны постоянно, но, кроме них, в разных кварталах Сан-Франциско сдаются помесячно квартирники, очень удобные для жизни. В этих квартирках есть все удобства — электричество, газ, постели, на день поднимающиеся и уходящие в виде шкафа в стенку, ванны и т.д. Легко можно жить в такой квартирке без прислуги и время уходит мало на приготовление себе пищи и уборку.

Кроме удобств дома, вы в магазинах получаете дешево хлеб, готовое к употреблению мясо и множество консервов всех сортов, чудные фрукты, вино, прованское и сливочное масло.

В Сан-Франциско я несколько раз читал мою лекцию: «Задачи всеобщего мира». Особенно приятно было говорить в клубе журналистов и писателей за завтраком, гостем которого я был. Провожая меня, члены клуба, передовые люди города жали мне руку и говорили, что высказанные взгляды напоминают им учение персидского ученого Баба о единстве мира и людей и необходимости создать единое мудрое и доброе правительство для всех народов. Люди едины в духе и плоти. Законы человеческие, писанные людьми, не соответствуют истинным законам нашей единой души и единого тела. Задача — создать всемирное законодательство, соответствующее им.

В Сан-Франциско встретил я случайно моего родного брата Илью и скульптора Паоло Трубецкого, автора памятника Александру III. Трубецкой работал над своими портретами-статуэтками, зарабатывая большие деньги. Кроме того, была открыта в городе выставка его вещей. На выставке была выставлена одна его чудесная вещица под названием «За что вы меня едите?». Прелестный барашек, сделанный с натуры.

быть, свой журнал, как внезапно мои планы разлетелись в прах и мы должны были покинуть Калифорнию. Madeleine получила письмо от матери, которая была серьезно больна. Старуха проглотила часть своей фальшивой челюсти и, судя по письму, была близка к концу.

— Я не могу больше оставаться здесь, — говорила мне Madeleine в слезах, — я должна вернуться домой, иначе я никогда больше не увижусь с матерью.

Решение ее было бесповоротно, а я не мог и не хотел оставлять ее.

— Хорошо, поедem в Нью-Йорк, а оттуда постараемся добраться до Франции.

Два дня спустя мы уже мчались на экспрессе через американский континент. От этой части моего путешествия осталось два ярких впечатления или воспоминания. Во-первых, то неожиданное чувство бесконечного счастья, какое я беспричинно испытал ночью, подъезжая к Чикаго, когда я, еще раз продумав мою теорию быстрого движения на восток, понял или, если хотите, вообразил, что в этом движении люди найдут в будущем путь к бессмертию вследствие умноженного влияния на них света, идущего с востока, — электронов. Я радовался и гордился тем, что я первый на Земле открыл эту величайшую тайну.

Во-вторых, на этот раз очень неприятное воспоминание от Чикаго¹⁷⁸, когда в отеле города, где мы остановились на один день, двое немцев, вероятно, отец и сын, занимавшие комнату рядом с нашей, враждебно отнеслись к нам. Когда вечером мы вернулись домой и шли по коридору в нашу комнату, молодой немец, проходя мимо, подставил мне ногу. Я молча отстранился, и тем инцидент кончился.

Немцы были вполне правы. Что могло быть подлее того, как я жил? Миллионы умирали и страдали на войне, а я катался с любовницей по всему свету в чужие <края>.

В Нью-Йорке мы остановились в отеле Lafayette, хозяина которого я знал с первого визита моего в Америку. Это был француз-миллионер, владевший двумя отелями, который назначил теперь премию в 25.000 долларов тому, кто первый перелетит через Атлантический океан¹⁷⁹. Условия этой премии были вывешены тогда в передней отеля, и все с любопытством и недоверием читали их. Но не прошло с тех пор и нескольких недель, как Линдберг, которого считали помешанным, когда он дерзнул испытать счастье, сравнительно легко сделался во всем мире героем дня¹⁸⁰.

Было приятно встретить так далеко за морем брата и друга, и мы с ними проводили свободное время. ...» — См.: Толстой Л.Л. Вокруг света во время войны и революции... // *Весточка*... Пг., 4 сентября 1918 года, № 9. С. 4; 6 сентября 1918 года, № 10. С. 4.

¹⁷⁸ Впечатление от Чикаго было менее ясным: «...После Сан-Франциско Чикаго мне не понравился. Настроение в нем в связи с войной было удрученное. В нем, как известно, очень много немцев. Это по величине четвертый немецкий город в мире. И тамошние немцы, конечно, всеми силами противились тогда вмешательству Соединенных Штатов в мировую свалку.

По внешнему виду и климату Чикаго также совсем не то, что Сан-Франциско. Он скучнее, тяжелее и вообще менее симпатичен. Личное впечатление много значит в суждениях о чем-либо и потому я могу ошибиться. Для многих Чикаго, м[ожет] б[ыть], лучший город в свете, но я поспешил из него уехать дальше в знакомый мне Нью-Йорк, где у меня были знакомые и друзья. ...» — Там же, 6 сентября 1918 года, № 10. С. 4.

¹⁷⁹ Хозяином отеля «Лафайет» был Раймонд Ортейг (Orteig; 1870-1939), который действительно неоднократно учреждал приз за беспосадочный перелет из Нью-Йорка во Францию, но до 1927 года это никому сделать не удавалось. — См.: *Dictionary of American History*... Vol. I. P. 35-36; Vol. III. P. 280. См. ниже примеч. 180.

¹⁸⁰ Л.Л. Толстой ошибся: первый беспосадочный перелет через Атлантику американский пилот Чарльз Линдберг (Lindbergh; 1902-1974) совершил 20-21 мая 1927 года. Среди встречавших Линдберга в Париже был и владелец двух отелей в Нью-Йорке Раймонд Ортейг. — См.: *Новое русское слово*. Нью-Йорк, 22 мая 1927 года, № 5229. С. 1; 29 мая 1927 года, № 5236. С. 5.

Он учредил эту награду за беспосадочный полет еще в 1919 году, но только 16 июня 1927 года приз Р. Ортейга в 25.000 долларов был вручен Ч. Линдбергу. — См.: *Lindbergh Ch.A.* The Spirit of Louis. N.Y., 1975. P. 138, 213-228. См. также: *Emerson E.* Hoover and his times: Looking back through the years. N.Y., 1932. P. 223-226; *Ross W.S.* The last hero: Charles A. Lindbergh. N.Y.; Lnd.: Harper & Row, [1968]. P. 79-80, 118-119, 136-137.

В Нью-Йорке, где мы пробыли дольше, чем предполагали, еще новое дело круто изменило наши планы. Madeleine оказалась беременной на третьем месяце, и в таком случае мне не оставалось другого выбора, как только жениться на ней, а для этого нужно было прежде развестись с женой. Как же и где все это оформить? Удобнее всего было вернуться в Россию, несмотря на большевизм, и там пройти через необходимые мытарства. Но как ехать в Россию? Невозможно через Европу, где шла война. Оставалось только вернуться в Японию и оттуда ехать в Москву снова через Сибирь.

*Когда я вспоминаю об этих днях, они кажутся мне каким-то смутным сном, где я был только игрушкой событий, бросавших меня из страны в страну и заставлявших кружить кругом света*¹⁸¹.

Из града в град

Судьба людей, как вихрь, метет,

И рад ли ты или не рад,

Ей все равно. Вперед, вперед! —

*это четверостишие поэта князя Вяземского, которое я любил вспоминать*¹⁸².

Мы решили возвращаться в Японию через Канаду, а из Ванкувера плыть в Йокагаму.

Через Ниагару, где фотограф снял нас на фоне водопада, и через всю Канаду, на полях которой я узнавал русских баб-духоборок, когда-то при помощи моего отца покинувших Россию вследствие гонений на них правительства, мы приехали в Ванкувер, прелестный молодой город, развивавшийся тогда с необыкновенной быстротой. В нем тоже я бы остался навсегда. Зачем было уезжать отсюда? Так или

¹⁸¹ Может быть, именно поэтому Л.Л. Толстой крайне негативно отзывался как о жителях Нью-Йорка, так и обо всех американцах. В заключительном фрагменте очерка, опубликованного год спустя, он писал:

«...скажу откровенно, Нью-Йорк разочаровал меня в эту поездку, так же, как вся Америка вообще, и я вынес из нее тяжелое неприятное чувство.

Американцев отдельных я люблю. Многие из них прекрасные люди, но общее впечатление от [Соединенных] Штатов на этот раз было глубоко отрицательное.

Это народ грубый, низкопробный, настолько мало духовно и нравственно цивилизованный в своей массе, что становится прямо обидно за человека. Только одна погоня за деньгами, все сведено в одной только “бизнес”, все вертится около доллара и тех внешних грубых удовольствий, какие он может дать.

Ни свежей умной литературы, ни свежего, живого слова в прессе, ни искусства, ни музыки в смысле самобытного творчества.

В ежедневной жизни то же самое. Все соразмерено, все [на]спех и суета, все материально неинтересно, плоско, низменно.

С утра до вечера одно и то же и завтра то же, что сегодня. Утром завтраки, газета (и то и другое безвкусное и бессодержательное), потом беготня за долларом, бесконечное посещение разных контор, банков, учреждений, вечером плохой обед, плохой кинематограф, до того плохой, что чувствуешь себя одураченной, потом нездоровый, но крепкий сон и опять сначала наупро.

И все так. Все бездушно, глупо, бездарно, начиная с низов и кончая верхами, религиозной жизнью, например. Я, кажется, осуждаю. Нет, я не осуждаю никого, я не осуждаю американцев, а их жизнь, склад ее. Мне пришлось высказать за это пребывание в Нью-Йорке мое впечатление одному из журналистов самой большой газеты “Нью-Йорк Таймс”. Он поместил мое суждение целиком и вся Америка прочла его. Я сказал, что нет менее цивилизованной нации на свете, чем американская, что они самые настоящие, самые отъявленные дикари. И что удивительнее всего, многие американцы подхватили это мнение и соглашались с ним вполне. Оно было перепечатано повсюду и когда чопорные светские американки потом встречали меня, они осторожно говорили: “Я читала ваше мнение об Америке и американцах, оно не высокое”.

Я отвечал на это, что я высказал это мнение искренно именно потому, что люблю американцев и хотел бы показать им слабые стороны.

— О, мы их знаем, — тогда пр[о]и[с]ходило обычное продолжение разговора, — и вы правы.

*У американцев нет исторических традиций. У них нет преемственности истории. У них нет почвы старой, древней, почвы прошлых веков, как в Европе. Кроме того, они до того извратились формами своего настоящего, наживой, суевой, пустяками, погоней за пустыми внешними потребностями, что ту слабую искру ума и таланта народного, которая, конечно, все еще теплится в его глубинах, они всячески заглушают и не дают ей разгореться в умственный истинно духовный огонь». — См.: Толстой Л.Л. Вокруг света во время войны и революции... // *Весточка*... Пг., 6 сентября 1918 года, № 10. С. 4.*

¹⁸² Л.Л. Толстой ошибся: цитируемые строки принадлежат не князю Петру Андреевичу Вяземскому (1792-1878), а Федору Ивановичу Тютчеву (1803-1873). Одно из его стихотворений 30-х годов начинается так:

«Из края в край, из града в град

Судьба, как вихрь, людей метет,

И рад ли ты, или не рад,

Что нужды ей?.. Вперед, вперед! ...»

— См.: *Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений. («Библиотека поэта»: Большая серия. 3-е изд.). Л.: Сов. писатель, 1987. С. 132-133.

иначе мы смогли бы зарабатывать и здесь <на> нашу жизнь. Но Madeleine стремилась скорее оформить наше ложное положение, и я вполне сочувствовал ей.

В бурную погоду в тесной каюте II-го класса небольшого английского парохода мы оставили Ванкувер и снова очутились на волнах Тихого океана. Этот переезд был опасным, так как немецкие “рейдеры”¹⁸³ топили в этих водах английские корабли.

Вместе с нами из Ванкувера ехали еще какие-то возбужденные и странные русские люди, которые, как я потом узнал, были русскими коммунистами, возвращавшимися из Соединенных Штатов в Россию. Их было около 400 человек. За время путешествия я познакомился с некоторыми из них и говорил с ними. Все они были озлобленными и несчастными русскими «интеллигентами», обнадуженными революцией. На пароходе они вели себя вызывающе, что немало беспокоило капитана. Когда им к обеду подали суп с плававшими в нем червяками, они подняли такой бунт, грозя бросить за борт всю команду, если им не улучшат питание, что с трудом удалось успокоить их.

Они были правы, так как наш капитан с утра до вечера дул виски и был хронически пьян. Надо было только удивляться, что такому чудовищу доверяли целый пароход.

Когда мы проходили мимо Алеутских островов (из-за германских рейдеров мы делали большой обход), с утра поднялась холодная буря и нас стало сильно качать. Madeleine лежала весь день, а я ухаживал за ней. Но к вечеру ветер утих, и мы вышли на палубу. При заходящем за темные тучи солнце два кита, пуская фонтаны, плыли теперь рядом с пароходом, играя друг с другом. Они, очевидно, радовались встрече с нами. Несколько чаек летело над ними. Вечная жизнь, жизнь повсюду и несмотря ни на что. В хорошем настроении мы спустились в нашу каюту на ночлег. Мы легли и крепко заснули. Но внезапно среди ночи я был разбужен тревожным гудком и громкими криками матросов с палубы. Я вскочил и по лестнице выбежал наверх, чтобы узнать, в чем дело.

— Немецкий рейдер атакует нас! Все пассажиры на палубу!

Гудок продолжал гудеть, а матросы с двух сторон палубы торопливо спускали на воду спасательные лодки. Пассажиры в панике и со всех концов выбегали на палубу. В темноте дул холодный северный ветер.

Я вернулся в нашу каюту, сказал Madeleine, что надо было выходить на палубу и, захватив с собой все, что было с нами тепло, спокойно пошел наверх. Полное спокойствие было необходимо, чтобы успокоить испуганную до смерти и бледную Madeleine. Спасательные лодки были уже на воде, и первые пассажиры сидели в них. Суэта кругом была невообразимая. Но неожиданно появилась в темноте фигура нашего пьяного капитана, который скомандовал:

— Опасность миновала! Все назад на свои места!

Я бросил в его сторону русское самое страшное ругательство, взял бледную Madeleine под руку и повел ее назад в каюту. Мы легли, но уже не могли спать всю эту несчастную ночь.

Madeleine внезапно почувствовала острую боль внизу живота. Скоро целый поток густой крови залил ее койку. В этом море крови я поднял на ладонь синий трупик уже сформировавшегося ребенка с большой головой, величиной с птичку, и показал его Madeleine. Потом я подошел к люку и выбросил его в море.

¹⁸³ от *raider* — военный корабль, ведущий самостоятельные боевые действия по уничтожению пассажирских и торговых судов, а также военного транспорта (англ.).

Пароходный доктор, которого я позвал с самого начала несчастья, был поражен количеством крови, которое теряла Madeleine, и не знал, как ее остановить. Он извел на нее всю вату пароходной аптеки. Утром изнуренная Madeleine забылась и лежала на спине, не шевелясь, как мертвая.

Еще одно острое горе ударило по моему сердцу. Ведь этот зародыш был бы человеком, моим и ее сыном. Может быть, большим и нужным миру человеком. Скольких усилий, надежд, переживаний, страстей стоило его зарождение. Но судьбе угодно было, чтобы он не жил. Может быть и даже наверное, все это было судом нравственного закона. <...>»¹⁸⁴

* * *

Так закончилось второе путешествие Л.Л. Толстого в Америку, на которое, как и на союз с Madeleine, возлагалось много надежд, которым не суждено было осуществиться. В 20-е годы Л.Л. Толстой несколько раз приезжал в Америку с лекциями об отце и как скульптор, но это тема отдельного исследования.

¹⁸⁴ См.: *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни... Книга II. Главы 10-11. Машинопись с авторской правкой. — *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого.